

INSPIRIA

НЕОЖИДАННЫЙ ТАНДЕМ
ПРОФАЙЛЕРА И ПЕРЕГОВОРЩИКА

ПЛАМЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ОДЕРЖИМОСТИ

Первая заманит зверя...

МАЙК ОМЕР

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Майк Омер

Пламя одержимости

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Омер М.

Пламя одержимости / М. Омер — «Эксмо», 2022 — (Ток.
Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-192690-8

ОТ АВТОРА СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРА «ВНУТРИ УБИЙЦЫ». ТРЕТИЙ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭББИ МАЛЛЕН». ЗОИ БЕНТЛИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ! КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ Когда при загадочных обстоятельствах несколько человек сгорели заживо в своих домах, Эбби Маллен, переговорщик полиции Нью-Йорка, сразу почувствовала: ужасы прошлого вернулись. Еще девочкой Эбби чудом спаслась от пожара, устроенного Моисеем Уилкоксом, фанатичным лидером секты. Он считался мертвым в течение тридцати лет. Но теперь на всех местах преступлений остались его следы... ТИХО! РАБОТАЕТ ПРОФАЙЛЕР! Тем временем поджоги заинтересовали ФБР, и на след Моисея встает гроза серийных убийц, гениальный профайлер Зои Бентли. Прежде Зои не приходилось иметь дела с сектантами. Ей нужен тот, кто понимает мысли Моисея, – кто-то вроде Эбби Маллен... ОТ ЗОИ И ЭББИ НЕ УЙТИ НИКОМУ Для Эбби это огромный стресс. Многие воспоминания она мечтает похоронить навсегда: о культе, отравившем ее детство, о пожаре, убившем ее семью, и о человеке, его устроившем... Но неожиданно тандем профайлера и переговорщика начинает работать. Охота на убийцу продолжится – даже если придется растаскивать пылающие головешки прошлого Эбби голыми руками...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-192690-8

© Омер М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Майк Омер

Пламя одержимости

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Глава 1

Он так долго смотрел в ночное небо, что заболел затылок. За все эти годы Моисей исколесил всю страну, видел небеса из сотен мест, но не мог припомнить, чтобы ночь была такой ясной и первозданной, как здесь, в Вайоминге. Он почти чувствовал на себе тяжесть небес, придавливающих его к этим плоским равнинам. Здесь было легко вспомнить, что Господь Бог начал создавать мир с того, что разделил его надвое. Куда ни глянь, повсюду горизонт был столь же плоским и пустым – каким, вероятно, был на второй день Сотворения.

Портил его идеально ровную линию лишь маленький фермерский домик к востоку от них. Нарушающий все это первозданное совершенство изъяз, который Моисей Уилкоккс намеревался исправить.

Он опустил голову, не обращая внимания на желание помассировать шею. Дыхание вырывалось у него изо рта облачками тумана, холод зимней ночи пробирал до костей, но Моисей не обращал внимания и на это. Его последователи наблюдали за происходящим, благоговейно притихнув, и сейчас было не время проявлять слабость. Он позволил своему взгляду скользнуть по множеству лиц перед собой – все с нетерпением ждали, когда он заговорит. Моисей намеренно затянул молчание, по своему опыту точно зная, насколько далеко нужно зайти. Позволив напряжению всё нарастать, пока оно не станет почти невыносимым, и разрядить его прямо перед тем, как оно прорвется само собой.

– И сказал Бог: «Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды». – Голос Моисея гремел, перекрывая ветер. – «И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь... небом»¹.

Он вновь поднял голову. Прихожане проследили за его взглядом, тоже задржав головы.

Моисей набрал полную грудь воздуха.

– Мы пришли сюда всего восемнадцать дней назад. Оказавшись здесь, мы надеялись найти место, в котором сумели бы наконец обрести покой. Место, где трудолюбивые мужчины и женщины заключили бы нас в свои объятия и были бы готовы услышать правду. – Он постепенно понижал голос, пока тот не стал уже едва слышимым, заставляя своих прихожан податься ближе и затаить дыхание, чтобы уловить его слова. – Но это вовсе не то, что мы здесь нашли.

Печальные покачивания головами в толпе. Нет, это и вправду не то, что они нашли. Совсем не то.

– Вместо этого мы столкнулись со злом и темными сердцами! С людьми, которые настолько сбились с пути, что их уже невозможно направить. А ведь мы пытались! Анна Кларк каждый день ходила от двери к двери, умоляя людей прийти на наши проповеди... Джонатан Холл разослал тысячи листовок...

Моисей отыскал взглядом названных им людей, проследив, как те сияют от гордости, и зная, что теперь они будут трудиться вдвое усердней – и что остальные тоже будут трудиться усердней при виде того, как он хвалит тех, кто ему угодил.

– Не все из нас сделали всё, что могли, но я уверен, что они будут стремиться к лучшему.

Его взгляд метнулся в сторону Бенджамина и на пару секунд задержался на нем, пока Моисей не убедился, что упрек воспринят. Бенджамин опустил голову, а люди вокруг него слегка расступились. Отлично. В ближайшие недели никто и не подумает заговорить с Бенджамином. Никто даже не взглянет в его сторону. А в их сплоченной общине подвергнутый остракизму будет чувствовать себя отверженным каждую секунду на день.

---

¹ Быт. 1:6–8. – Здесь и далее библейские цитаты приводятся в синодальном переводе.

– Но как бы мы ни старались, некоторых мужчин и женщин уже почти невозможно спасти. Они нуждаются в том, чтобы мы указали им путь. Ибо если эта наша святая миссия спасет от неугасимого адского огня хотя бы одного человека, то мы спасем от вечных мучений и всех остальных!

Дрожа от собственной убежденности, Моисей видел, как его пыл отражается на лицах его паствы.

– Некоторые люди – завзятые грешники, кои столь далеко отклонились от верного пути, что лишь огонь способен очистить их души. Будь то адское пламя... – Он позволил своему взгляду задержаться на зажженных факелах, которые держали его люди, и повысил голос: – Или же рукотворный огонь!

Шестеро мужчин выступили вперед, подхватив канистры с бензином. Пройдя по обледевшей гравийной дорожке к дому, они стали плескать едко пахнущей жидкостью на его облупленные беленые стены. Трое из них вошли внутрь, и Моисей мог смутно различить в темноте, как они поливают бензином пол и какую-то ветхую мебель.

Подойдя к одному из мужчин, он протянул руку.

– Дай-ка мне, дитя мое.

Мужчина, коренастый фермер по имени Ричард, башней возвышался над Моисеем, но и тот словно съежился в благоговейном страхе, когда к нему обратились напрямую.

– Она довольно тяжелая, Отец.

Моисей ничего не ответил – просто всё так и держал руку протянутой, недобро прищурившись. Ричард заморгал и передал ему канистру.

Та и вправду оказалась достаточно увесистой, а ее поверхность маслянисто поблескивала от выплеснувшегося на нее бензина, сразу испачкавшего руки и одежду, но Моисея это не волновало. Он плеснул жидкостью на стену, вдыхая резкий, пьянящий запах; сердце у него гулко забилося, как в тот самый первый раз. С годами это уже стало частью общей жизненной рутины. Такой же, как проповеди, еда, долгие поездки, молитвы... Но это было единственным, что никогда не теряло своей остроты. Единственным, что оставалось ярким, первозданным и чистым.

Моисей обошел дом, хрустя ногами по тонкому снегу и тщательно поливая стену бензином, пока канистра не опустела. Он проследил, как последние несколько капель стекли на замерзшую землю, после чего отступил и вернул канистру Ричарду, который неотвязно следовал за ним.

Возвращаясь к остальной своей пастве, Моисей обвел взглядом обращенные к нему лица, ощутив, как его захлестывает волна любви. Он готов был умереть за каждого из них. И они готовы были умереть за него.

Некоторые из них уже это сделали.

– Господствующее христианство сбилося с пути, вводя в заблуждение верующих! – провозгласил Моисей, наблюдая, как пламя факелов колыхнется на ветру. – Они утверждают, что Бог есть любовь. Но забывают при этом, что Он – это очень многое. Бог – это еще и возмездие!

Возбужденные крики согласия, пламенные «аминь!».

– Господь Бог желает воздаяния для своей паствы!

Теперь уже они все до одного кричали, подавшись вперед и воздев над головой руки; лица их исказились в религиозном экстазе.

– Бог ваш есть огонь пожигающий, Бог ревнитель!²

Вскинутые кулаки, истощные призывы к вере, широко раскрытые глаза... Люди едва могли сдержать побуждение рвануться вперед. Момент был самый подходящий.

Подняв палец, Моисей взревел:

---

² Втор. 4:24.

– «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»³ Пророчество было для второго крещения!

Глаза собравшихся раскрылись еще шире, лица были полны восторга и ликования. Моисей улыбнулся своей пастве в ответ, зная, что именно они сейчас чувствуют. Тот священный момент, когда ты – это часть Божьей воли. Те, кто держал факелы, шагнули вперед – желтые огоньки затрепетали на ветру, – подошли к дому и почти как один прикоснулись факелами к его стенам.

В воздух с ревом взметнулись огромные языки пламени, дико заплесав на ветру, внезапно накативший жар вытеснил холод из воздуха. Один из мужчин с воплем отскочил назад, вызвав тревожные крики. Рукав у него был охвачен огнем, и всепоглощающее пламя лишь еще больше разрасталось, пока он в панике размахивал руками. Люди бросились к нему, схватили, оттащили от пылающего дома и повалили на землю, принялись катать по снегу и жидкой грязи, силясь задуть пламя. Мужчина все еще стонал, но болезненная гримаса у него на лице смешивалась с ликующей улыбкой. Быть опаленным священным огнем крещения было знаком чести в их церкви, и он будет с гордостью носить эти шрамы.

Моисей отвел взгляд от мужчины и вновь уставился на огонь – пламя было таким ярким, что резало глаза. Валящийся в небо черный дым кувыркался и закручивался, когда ветер подхватывал его и уносил прочь. Моисей почувствовал, как ноги сами несут его все ближе и ближе к огню, жар которого иссушал кожу и искажал очертания дома в слезящихся глазах – сила пламени буквально завороживала его. И тут изнутри донесся истошный крик. Грешник проснулся. Отлично. Во время крещения лучше бодрствовать, чтобы в полной мере ощутить, как сгорают твои грехи, когда ты вновь воссоединяешься с Христом. Моисей слушал, как крики грешника становятся все громче, перемежаясь отчаянными мольбами о помощи.

Стоял он лицом к своим последователям, спиной к огню. Благоговейный трепет наполнял их глаза, когда они смотрели на него в ответ, неистово пляшущее пламя окрашивало ночь ярким оранжевым сиянием, дым окутывал его черным саваном, мерцающие угольки плавали над ним. Моисей с нетерпением ждал, когда Господь наконец заговорит с ним, и вскоре ощутил это: побуждение настолько сильное, настолько глубинное, что могло исходить только лишь от Него – небесный знак того, что час опять пробил. Он почувствовал, как туго натянулись штаны в промежности, когда святая сила укрепила его.

К нему подошла Анна.

– Отец, нам пора уходить.

– Пока что рано, – бросил в ответ Моисей. – Имена!

– Отец, у нас уже нет времени! Скоро придут пожарные и полиция, и...

– Имена! – рявкнул он на нее.

Поспешно, дрожащей рукой, она сунула ему листок с тремя именами. Моисей прочитал написанное и поднял взгляд, чтобы отыскать трех женщин из своей паствы. Ага, вон они... Одна лет тридцати, с маленьким пухленьким лицом. Вторая помоложе и похудошавей, передние зубы у нее выступают вперед из-за неправильного прикуса. А вот третья... ах!

Дженнифер было всего девятнадцать, и присоединилась она к его пастве не так уж давно, вместе с сестрой. Длинные волосы, спадающие чуть ли не до бедер... Нежное личико... Многообещающие выпуклости под тканью блузки... Наблюдая за ней и чувствуя, как чаще забилось сердце, он понял, что Бог уже сделал свой выбор. Нынешней ночью это будет она.

Моисей подошел к ней и взял за руку. Глаза ее были полны восторженного возбуждения и ужаса.

– Пойдем со мной, – негромко произнес он, после чего повел ее прочь, в поля, подальше от остального своего стада.

---

³ Лк. 12:49.

Дом позади них всюду полыхал, жар обжигал ему спину. Крики о помощи изнутри превратились в отчаянные бессловесные вопли.

– Ты готова выносить моего ребенка? – строго спросил он.

– Я... Да, конечно. Но...

– Тогда раздевайся.

– Но... они всё ещё могут видеть нас!

При виде ее беспокойства Моисей лишь отмахнулся.

– Таково желание Господа. Имеет ли значение, смотрит ли на нас кто-нибудь? Ну давай же, быстрее!

Дрожащими пальцами Дженнифер принялась расстегивать блузку. Оранжевые языки пламени мерцали на ее обнаженной коже, дым клубился вокруг них, дышать становилось все труднее.

Потеряв терпение, Моисей разорвал блузку. И, охваченный вождением, которое могло быть лишь силой Господней, вскоре уже лежал с девушкой на тающем снегу.

Крики грешника позади них наконец смолкли.

Глава 2

Присев на капот своей машины, лейтенант Эбби Маллен внимательно разглядывала обугленные остатки фермерского дома. За последние три недели она изучила десятки задокументированных случаев поджогов и лично посетила места пяти из них. И выяснила, что у каждого сгоревшего строения – свой собственный неповторимый облик. У некоторых сохранились почерневшие стены, от других же остался лишь скелетоподобный каркас. В кучах мусора таились остатки жизни тех, кто некогда обитал здесь, – полурасплавленная кукла, или разбитые керамические горшки, или искореженный книжный шкаф с сотнями обугленных книг... Кое-где сквозь остатки рухнувших стен можно было заглянуть прямо на задний двор.

От этого дома практически ничего не осталось. Из руин торчала лишь одинокая почерневшая балка. Среди обломков Эбби углядела что-то, что некогда могло быть диваном. Чуть дальше виднелся металлический остов холодильника. Пепел окрасил снег вокруг строения в серый цвет, смешавшись с многочисленными следами шин пожарных и полицейских машин и случайных прохожих.

Дом был огорожен желтой лентой с надписью «Место преступления», трепещущей на холодном ветру. Черные руины зловеще выделялись на тонком морозном покрывале, укутавшем окрестные поля. Эбби поживалась от холода – пробирающий до костей озноб наводил на мечтательные мысли о тарелке исходящего паром супа, кружке горячего шоколада и теплых одеялах, которых в пределах видимости не наблюдалось.

Пожарные и бригада экспертов-криминалистов закончили обработку места происшествия еще накануне, и теперь тишина в окрестностях изрядно нервировала. Хотя вокруг никого не было, Эбби все никак не могла избавиться от покалывающего ощущения, что за ней наблюдают. Она искоса глянула через обледенелые поля на ближайший дом по соседству, расположенный примерно в двухстах ярдах от нее. Окна его были темными, никакого видимого движения. Может, какой-нибудь любопытный сосед? Или это ей просто почудилось? В Вайоминг она вылетела ночным рейсом, прибывшим ни свет ни заря, и нервы у нее были уже на пределе от усталости.

Поправив шерстяную шапочку, чтобы плотнее прикрыть замерзшие уши, Эбби откинула капюшон и подошла к остаткам дома, хрустя ногами по обледенелой земле. Пригнувшись, проскользнула под лентой, а когда выпрямилась, ноздри ей наполнил резкий запах гари. Мысленно она уже сравнивала эти руины с фотографиями аналогичных происшествий в других местах, которые успела изучить.

Последние несколько недель Эбби неофициально расследовала серию поджогов, к которым с большой степенью вероятности мог иметь отношение Моисей Уилкоккс. Более тридцати лет назад он был лидером религиозной секты в Северной Каролине. Эта его секта, помимо всего прочего, занималась производством героина и продажей его местным наркоторговцам. Во время последующей полицейской осады Уилкоккс запер всю свою паству в столовой поселения, а затем сжег ее дотла. Пресса окрестила это событие «бойней в секте Уилкоккса». Официально в этом пожаре выжили лишь трое членов секты – все из них дети. В том числе и Эбби.

Но был и четвертый выживший. Лишь недавно Эбби узнала, что Моисей Уилкоккс воспользовался возникшим при пожаре хаосом, чтобы скрыться от полиции. И тоже считался погибшим, поэтому в течение трех десятилетий никто его не искал.

Она осторожно вошла в дом, обходя кучи обгорелой черепицы, скопившиеся на полу, когда во время пожара обрушилась крыша. Случайно задела что-то пластиковое, что со стуком свалилось на пол. Присев на корточки, Эбби осмотрела этот предмет, который оказался ярким криминалистическим маркером, забытым работавшими на месте происшествия экспертами. Что же он отмечал? Пустую канистру из-под бензина? Какой-то предмет мебелировки, чудес-

ным образом оставшийся в целостности и сохранности? Или же останки домовладельца – некоего Джимми Йейтса?

Изучая дела о поджогах, Эбби практически случайно наткнулась на параллельное расследование, проводимое ФБР. Она уже несколько раз разговаривала по телефону с женщиной, руководившей расследованием, и рассказала ей о Моисее Уилкоксе всё, что знала. В ФБР не спешили поделиться какой-либо информацией в ответ. А потом, за день до того, как она оказалась здесь, ей позвонил некто, представившийся как специальный агент Грей, чтобы задать несколько дополнительных вопросов. В частности, его интересовали какие-либо связи, которые могли иметься у Моисея Уилкокса в Вайоминге. Эбби не знала ни о каких подобных связях, но после этого телефонного звонка провела кое-какие исследования и выяснила, что совсем недавно в городке Дуглас, штат Вайоминг, тоже сгорел дом, что полиция расценила как поджог. Джимми Йейтс, владелец дома, сгорел заживо вместе со всем своим имуществом.

И вот теперь Эбби оглядывалась по сторонам, задаваясь вопросом, действительно ли это имело какое-то отношение к делу. Находился ли Моисей Уилкокс здесь, в Дугласе, всего несколько дней назад? Или же она лишь зря тратила свое время и деньги на какой-то совершенно случайный поджог?

Эбби никогда не приехала бы сюда, если б не угроза ее детям.

«Они мои внуки, Абихейл⁴. Они принадлежат к моей пастве».

Моисей сказал ей это по телефону три недели назад – после того как она узнала, что он пытался в ее отсутствие проникнуть к ней в дом и пообщаться с ее сыном Беном.

С тех пор было еще несколько моментов, от которых волосы у нее на затылке вставали дыбом. Телефонные звонки на их домашний номер – абонент сразу вешал трубку, стоило ей ответить. Какой-то незнакомый человек связался с Сэм в «Твиттере», написав ей: «Просто мечтаю послушать, как ты играешь на скрипке!». А потом Бен рассказал Эбби, что возле его школы стояла какая-то женщина, наблюдая, как он играет со своими друзьями, и смотрела только на него.

Эбби чувствовала себя так, словно за ними постоянно следят. Ловила себя на том, что напрягается всякий раз, когда кто-нибудь на улице останавливает на ней взгляд на секунду дольше положенного. Какая-то женщина делала селфи в парке, когда Эбби и Бен проходили мимо, и Эбби незаметно крадась за ней больше двадцати минут, пытаясь выяснить, не сфотографировала ли она тайно и их тоже. Всякий раз, когда на телефоне дочери появлялось новое сообщение, Эбби сразу кидалась к ней с вопросами, кто это и что там написано.

Она буквально сходила с ума. Единственное, что могло бы подарить ей покой, – это если б Моисей наконец оказался за решеткой. Эбби погналась бы за Моисеем Уилкоксом на самый край света, только чтоб защитить своих детей. В данном случае преследование ограничивалось штатом Вайоминг.

Приметив что-то в золе, она опустилась на корточки, чтобы рассмотреть это поближе – кусок красного пластика, весь перекрученный и деформированный от жара, с почерневшими от огня краями.

– Не двигаться! – вдруг рявкнул резкий мужской голос позади нее.

Эбби рефлекторно выпрямилась и начала уже поворачиваться.

– Не двигаться, я сказал, или буду стрелять! – выкрикнул мужчина. – Положите руки на голову! Медленно.

Она очень медленно выполнила этот приказ.

---

⁴ Несмотря на схожее звучание и написание, распространенное имя Эбигейл и менее известное Абихейл (Abigail и Abihail в англоязычном варианте) – это совершенно разные имена, и даже с иврита, откуда они происходят, переводятся по-разному. Абихейл в русскоязычной библейской традиции – Авигея. – *Здесь и далее прим. пер.*

– Я лейтенант Эбби Маллен. Я из полиции. – Насколько далеко он позади? Дом совсем невелик. Этот человек уже внутри или стоит снаружи? Если он вздумает стрелять, можно ли тут где-нибудь укрыться?

Мужчина фыркнул.

– Просто замечательно! Повернитесь.

Эбби так и сделала, осторожно переступая с ноги на ногу, чтобы не напугать его, и глаза ее на миг сфокусировались на дуле пистолета, направленном прямо на нее. Мужчина, держащий его в руке, оказался полицейским в форме. Она сразу оценила его позу и манеру держаться – напряженные мышцы, плотно сжатую, но дрожащую челюсть, мятую одежду, испуганные глаза, налитые кровью и немигающие... Сердце гулко заколотилось в груди, стоило встретиться с ним взглядом.

Надо было предвидеть, что это произойдет. Полиция оцепила место преступления. Тот дом через поле – Эбби ведь чувствовала, что кто-то за ней наблюдает. Наверное, он выдвинулся оттуда, как только она вошла в развалины дома. В котором часу это было? Около половины девятого утра. Принимая во внимание внешность этого парня, заступил он точно не утром – явно проторчал там всю ночь, ожидая сменщика. И наверняка уже кипит от злости, поскольку его так и не сменили. Обычно в ночные дежурства назначают копов помоложе, но этому было на вид лет тридцать пять, если не больше. Работает в ночь – неудачник? Оставалось надеяться, что дело не в этом.

– Офицер⁵, – негромко и спокойно произнесла она. – Я лейтенант Эбби Маллен из полиции Нью-Йорка. Опустите пистолет.

Каждую фразу она заканчивала нисходящей интонацией, говорящей о простой констатации факта. Этот парень просто устал и наверняка на взводе из-за кофеина. Ему требовался кто-то, на кого можно было бы переложить ответственность.

Пистолет он не опустил, но она почувствовала, что его мышцы едва заметно расслабились. Даже если этот коп и не поверил, что она из полиции, выражение ее лица и мягкий голос явно успокоили его нервы.

– И что это вы здесь ищете, а?

Эбби слышала шум автомобильного мотора. Кто-то ехал к ним. По всей вероятности, сменщик этого парня. Совсем ни к чему, чтобы еще один коп вошел в дом и увидел направленный на нее пистолет. У него может сложиться неверное представление, и ситуация лишь обострится. Из всех сил стараясь не смотреть на пистолет, она произнесла:

– Я расследую одно дело. Серийного поджигателя. Пожалуйста, опустите пистолет. – Эбби еще больше смягчила голос, позволив ему стать голосом безобидной молодой женщины, и коротко взмахнула ресницами. Она пожалела, что на ней сейчас толстая вязаная шапка и громоздкое пальто. Такое пальто может скрывать что угодно. А шапка, пусть и теплая, скрывала ее светлые волосы и оттопыренные уши. Обычно мужчин куда меньше пугает миниатюрная женщина с большими ушами.

– Вообще-то это Вайоминг... – медленно произнес патрульный, как будто подозревая, что она каким-то образом свернула не туда и оказалась не в том штате. – А не Нью-Йорк.

– Как вас зовут? – спросила Эбби, слегка улыбнувшись ему.

– Фред Мосс.

Почему он не опускает пистолет? Она вопросительно посмотрела на него.

– Простите, Фред, – произнесла Эбби извиняющимся тоном, – мне надо было позвонить и согласовать мой приезд с полицейским управлением Дугласа.

– Выходит, вы из Нью-Йорка... – медленно отозвался он.

---

⁵ Офицер – звание в полиции США, соответствующее нашему званию рядового.

Как у переговорщика по урегулированию чрезвычайных ситуаций, одним из основных профессиональных ориентиров Эбби было правило «7–38–55». При человеческом общении произносимые людьми слова выражают лишь семь процентов чувств, которые те испытывают. Тон – тридцать восемь процентов. И остальные пятьдесят пять процентов приходятся на «язык тела» и в первую очередь на выражение лица.

Слова, которые он произнес, вроде должны были обнадежить. Офицер Мосс наконец понял, что она тоже из полиции. Но выражение лица у него оставалось затравленным и тоскливым. А тон каким-то пустым. Почти... разочарованным.

Эбби попыталась представить, что он сейчас чувствовал. Рядовой сотрудник полиции в Дугласе, штат Вайоминг... Работа в основном однообразная, рутинная – каждый день прихватывать одних и тех же алкашей, арестовывать одних и тех же торчков, расследовать мелкие кражи и пропажу домашних животных. А тут подожгли дом, погиб человек... Убийство. Полиция решила оцепить место преступления – на случай если убийца вдруг вернется, и Фреду Моссу опять выпало дежурить в ночную смену. Таращился, бедолага, на обгоревшие руины обиталища Йейтса в темноте, стараясь не заснуть, постоянно пил кофе, пока сердце не заколотилось, а веки не набрякли так, как будто весили по десять фунтов каждое. Утренний сменщик опаздывал – как, вероятно, и всегда. А потом вдруг возникла какая-то фигура. Издалека это мог быть кто угодно. Даже невменяемый пироманьяк, явившийся полюбоваться на дело своих рук.

Накачанный кофеином и злобным раздражением, патрульный Мосс преодолел расстояние от места своей засады до сгоревшего дома на своих двоих. О чем он думал, когда шел сюда? Мосс был явно напуган – Эбби слышала это в его голосе, когда он приказал ей не двигаться. Но, не исключено, также и воображал, что сейчас поймает опасного поджигателя, убившего Джимми Йейтса. Наденет на невменяемого убийцу наручники и потащит его к машине, слушая его мольбы о пощаде. И весь отдел полиции в кои-то веки увидит, чего офицер Мосс на самом деле стоит.

И тут вдруг оказывается, что он держит под прицелом какую-то крошечную женщину, оказавшуюся вдобавок лейтенантом полиции... Теперь Мосс окончательно станет в отделе всеобщим посмешищем – человек, который уже привык обретаться на самой нижней ступеньке служебной лестницы.

Он в буквальном смысле стоял на краю пропасти, понимая, что стоит опустить пистолет, как то ужасное будущее, которое он себе представлял, сразу же настигнет его.

Эбби одарила его пристыженной улыбкой.

– Боже, какая же я идиотка... – пролепетала она. – Я совершенно раскрыла вашу засаду. Надо было мне сообразить, что вы можете наблюдать за этим местом. Вот черт... Я могла спугнуть того, кто это сделал.

– Я... Ну да. – Мосс бросил на нее раздраженный взгляд, и его пистолет слегка опустился. – О чем вы только думали?

– Сама не знаю, простите. – Сердце умерило свой бег, когда пистолет отодвинулся от нее. Эбби глубоко вздохнула, пряча свой страх под маской смущения. – Вы собираетесь доложить об этом?

– Я... – Рот его захлопнулся, когда хруст шагов неподалеку стал ближе. В почерневшие помещения сгоревшего дома вошли еще трое. Один оказался патрульным в форме – вероятно, сменщиком Фреда, выше его на несколько дюймов и как минимум лет на пять помоложе.

Двое других, мужчина и женщина, мало походили на копов. Мужчина с густой гривой черных волос был выше ростом обоих патрульных, да и заметно шире в плечах. Его кривоватая небрежная улыбочка, очевидно, должна была сходить за обезоруживающую, но Эбби было этим не одурачить. Взгляд черноволосого сразу заметался между опущенным пистолетом в руке у Фреда и ее лицом, оценивая ситуацию. Этот парень явно ловил все на лету.

Сопровождала его женщина примерно одного роста с Эбби, в серой вязаной шапочке, из-под которой выглядывали несколько выбившихся прядей каштановых волос. Лицо у нее было изящным и бледным, и немного портил его только нос, довольно длинный и чуток крючковатый. Как и ее спутник, она сначала посмотрела на Фреда, который словно поник под ее пристальным взглядом. А затем повернулась к Эбби, нацелив на нее свои пронзительные ярко-зеленые глаза. Казалось, будто эта женщина читает ее с той же легкостью, с какой кто-то другой бегло просматривает газетные заголовки.

– Здорово, Мосс, – весело произнес патрульный, явившийся сменить Фреда. – Это федералы, которые вчера с нами общались. Не представишь нам свою подругу?

Эбби улыбнулась троице прибывшим.

– Здрасьте, я лейтенант Эбби Маллен из Нью-Йорка.

Оба федерала недоуменно заморгали.

– Маллен? – переспросила женщина. – А вы-то как здесь очутились?

Мужчина, стоящий рядом с ней, прочистил горло.

– Гм... Это я ей вчера позвонил, – объяснил он, после чего с улыбкой повернулся к Эбби. – Я агент Тейтум Грей, мы с вами разговаривали по телефону. А это...

– Судя по всему, Зои Бентли, – улыбнулась в ответ Эбби. – Рада наконец-то лично с вами познакомиться.

– Лейтенант Маллен не согласовала с нами свой приезд, – хрипло вмешался Фред. – Я уже почти подумал, что это и есть наш поджигатель.

Зои покосилась на него, как на какого-то комара.

– Только около пятнадцати процентов поджигателей – женщины, и у них обычно нет привычки возвращаться на место преступления, – отрезала она. – И вообще-то ваши криминалисты обнаружили здесь три пустые пятигаллонные⁶ канистры из-под бензина. Просто не могу представить, чтобы женщина вроде Маллен сумела бы запросто их сюда притащить, а вы?

Фред пристыжено уставился в почерневший пол. Эбби на миг задумалась, как бы всё сложилось, если б Зои Бентли первой вошла в сгоревший дом, столкнувшись с офицером Фредом Моссом и его готовностью в любой момент спустить курок пистолета.

---

⁶ 5 галлонов – 18,5 л (американский галлон – 3,7 л).

Глава 3

Зои совершенно не представляла, каким местом думала Маллен, заявившись на место преступления. Это ведь не ее расследование – и даже не в пределах ее территориальной юрисдикции. В лучшем случае эта женщина просто пыталась хоть как-то помочь, пусть даже ее намерения и были не совсем уместны. В худшем же случае она намеревалась каким-то образом привлечь полицию Нью-Йорка, а тут уже и без того задействовано предостаточно всяких правоохранительных структур – нет уж, спасибо! С семьей поварами, как говорится, супа не сварить. А с семьей различными ведомствами даже еще хуже. Эти для начала даже не смогут договориться, суп они собрались варить или, скажем, пирог печь.

– Лейтенант Маллен, – жестко произнесла она. – Агент Грей как-то намекнул, что нам нужна ваша помощь в этом расследовании?

Женщина улыбнулась ей, сняв шапочку и позволив своим светлым волосам рассыпаться по плечам. В своих тоненьких очочках она больше напоминала какую-то училку или библиотечаршу. Нос и уши у нее порозовели от холода, а Зои по собственному опыту знала, что, значит, и ее собственный крючковатый нос тоже изрядно покраснел. Ну да ладно...

– Простите, – мягко произнесла Маллен, протягивая Зои руку для пожатия. – Надо было предупредить вас о своем приезде.

– Да. Поскольку если бы вы так и поступили, я бы ответила, что в этом нет необходимости, – ответила Зои. – Если нам понадобится от вас еще какая-либо информация, мы позвоним.

Наконец увидев протянутую руку Эбби, она нахмурилась и через миг нетерпеливо пожалала ее.

– Если я все равно здесь, то могла бы тоже взглянуть, – предложила Маллен.

– Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали, – коротко отозвалась Зои.

Маллен заморгала и вопросительно посмотрела на нее.

– Похоже, вас беспокоит, что я могу как-то помешать вашему расследованию... – Произнесено это было так, как будто заявление Зои показалось ей по меньшей мере странным.

– Именно так.

Стоящий рядом с ними Тейтум поморщился. Зои работала с ним уже несколько лет и хорошо знала, что порой он был недоволен ее прямоотой. Но в участии Маллен не было абсолютно никакой необходимости, и она хотела пресечь ее поползновения в самом корне.

Эбби наклонила голову набок.

– Ну что ж, очень жаль. Как я могу заверить вас, что не стану вмешиваться?

– Никак, – быстро ответила Зои. – Мой опыт подсказывает, что без этого не обойдется.

Отвернувшись от Эбби, она огляделась по сторонам.

Это был уже пятый сожженный дом, который Зои посетила за последние три месяца – с тех пор как это дело было передано Отделу поведенческого анализа ФБР. Хотя поджоги имели место в разных штатах, у всех прослеживалась схожая схема – что, по мнению Зои, было частью «подписи» убийцы. Жертвы всегда сжигались заживо, ноги у них были связаны в лодыжках, руки – в запястьях.

Впрочем, образ действий преступника менялся и эволюционировал, как и у большинства серийных убийц. Количество катализатора, используемого при поджогах, неуклонно увеличивалось, менялись и материалы, используемые для связывания жертв. Места становились все более отдаленными.

Да и временные промежутки между поджогами вроде становились всё короче.

Все это говорило об убийце, движимом некой внутренней одержимостью. Но результаты криминалистической экспертизы и успешность преступлений указывали сразу на нескольких поджигателей, действовавших сообща. Зои до сих пор так и не удалось составить цельный и

логически обоснованный психологический профиль по этим преступлениям. Пока что приходилось остановиться лишь на том, что несколько людей со схожими фантазиями каким-то образом нашли друг друга – может, на каком-нибудь темном веб-форуме – и решили действовать сообща. Но поджигатели, как правило, страдают диссоциальным расстройством личности, а пиромания – это расстройство импульсного контроля⁷. . . Поэтому команда хорошо скоординированных, эффективных поджигателей не представлялась чем-то особо реальным.

А потом, пару недель назад, с ней связалась лейтенант Эбби Маллен – высказав предположение, что все эти преступления могут быть связаны с каким-то религиозным культом. И все сразу же встало на свои места. Секте ни к чему сразу несколько человек со схожими фантазиями. Нужен всего лишь один харизматичный лидер, фантазии которого определяют действия его последователей. Примерно как в «семье» Мэнсона⁸.

Из всего, что рассказала ей Маллен, многое указывало на ее правоту. Серийным убийцей, которого разыскивала Зои, был не кто иной, как Моисей Уилкоккс, который считался давно погибшим. Маллен лично общалась с Уилкоксом и даже успела сделать размытый скриншот во время видеозвонка. Некая женщина, предположительно ученица Уилкоккса, совершила саможжение в одной из нью-йоркских школ – при странных обстоятельствах, которые полиция Нью-Йорка все еще расследует⁹. Последние две недели Зои и Тейтум только тем и занимались, что беседовали со свидетелями, показывая им имеющиеся у них изображения Уилкоккса – как недавний размытый скриншот, так и печально известное фото, которое использовалось много лет назад в новостях о «бойне в секте Уилкоккса».

Иными словами, Зои была рада, что Маллен вышла на нее. Наводка оказалась своевременной. Но она не видела, чем еще Эбби могла бы ей помочь. Детские воспоминания той о жизни в секте были практически бесполезны, а ее предположение, будто она «знает» образ мыслей Уилкоккса из-за их давнего знакомства, представлялось просто-таки смехотворным.

Тогда Зои раздраженно выбросила Маллен из головы. И вот на тебе – эта тетка опять путается под ногами. . . Вообще-то сейчас задача Зои – реконструировать недавнее убийство, а не оценивать вклад Маллен в расследование.

Отступив от Эбби и Тейтума, она глубоко вздохнула. После чего, достав из сумки фотографии с места преступления, начала осматриваться. На самом верхнем снимке были запечатлены обугленные останки потерпевшего. Электрический шнур, которым того связали, покрылся сажей и на фото был практически неразличим. Но неестественное положение тела явно намекало на путы, хотя их и не было видно. Обогнув грудку обломков, Зои подошла к тому месту, где обнаружили жертву, – к остаткам сгоревшей кровати. В щелях пола вокруг кровати криминалисты обнаружили следы бензина, но ни на ней, ни под ней их не было. Сильнее всего пол в комнате обуглился у самых стен. Это указывало на то, что, по всей вероятности, именно здесь и разлили бензин. Что указывало на стремление поджечь комнату, а не человека в кровати. Это было явно сделано намеренно и полностью соответствовало четырем из пяти других мест преступления. Это было как-то связано с фантазиями Уилкоккса. И являлось частью его «подписи».

---

⁷ Диссоциальное расстройство личности, помимо всего прочего, препятствует достижению взаимопонимания и взаимодействию с другими людьми. Расстройство импульсного контроля – состояние, характеризующееся неспособностью противостоять искушению, побуждению или импульсу, приводящее к пагубным последствиям как для самого пациента, так и для окружающих.

⁸ Чарльз Мэнсон (1934–2017) – американский преступник, создатель и руководитель деструктивной секты «Семья», члены которой в 1969 г., подчиняясь его приказам, совершили ряд жестоких убийств, в том числе беременной жены кинорежиссера Романа Полански – актрисы Шэрон Тейт. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на девять пожизненных сроков.

⁹ Эти события описаны в романе М. Омера «Скрытые намерения».

На долю секунды в сознании Зои промелькнул образ – жертва, лежащая на кровати, связанная, беспомощная, в то время как вокруг нее поднимается пламя, жар становится невыносимым... Она отогнала эту яркую картину, прикрыв глаза.

«Позже».

Зои прошлась по руинам, сопоставляя фотографии с реальной обстановкой. Канистры с бензином были оставлены внутри дома, каждая в своей комнате. Но многочисленные опалины указывали на то, что наружные стены тоже были обрызганы бензином. По всей вероятности, устроившие пожар были уже снаружи, когда подожгли дом, иначе здесь было бы больше одного тела.

Она перебрала фотографии, чтобы отыскать вид пожарища со двора. Грязная земля была сплошь испещрена следами шин и подошв прибывших пожарных и полиции.

– В какое время первые спасатели прибыли на место происшествия? – громко поинтересовалась Зои.

– В час тридцать две ночи, – ответил один из копов. – Вызов в пожарную службу поступил в семнадцать минут второго. Мог бы и раньше, если б Фитцпатрики не были в отпуске.

– Фитцпатрики? – переспросил Тейтум.

– Люди, которые живут на той стороне поля. – Патрульный вытянул руку. – Они сейчас во Флориде, каждый год туда ездят.

– А когда они уехали? – спросила Эбби.

Двое полицейских обменялись взглядами.

– Ну, не знаю... может, где-то с неделю назад?

– Не-а, – отозвался тот, что помоложе. – Я видел Пиппу три дня назад, на зумбе¹⁰.

– Зумба? Ты ходишь на зумбу?

– А чё тут такого? В любом случае, по-моему, тогда они всё еще были здесь – так что, наверное, уехали совсем незадолго до пожара.

Зои и Тейтум переглянулись. Скорее всего, это было не просто досадное невезение. Поджигатели нанесли удар, точно зная, что ближайший дом пуст. Если они специально дождались отъезда соседей, то из этого следовало сразу несколько выводов. Прежде всего, тот, что Уилкоккс не был заинтересован в поджоге пустого дома. Сжечь дом Фитцпатриков можно было бы гораздо проще и с куда меньшим риском. И еще это означало планирование и терпение. Терпение человеку с навязчивыми фантазиями дается нелегко. Большинство пироманов плохо контролируют свои импульсивные побуждения. И как же Моисей справлялся с ними?

– В последнее время в этом районе случались еще пожары? – поинтересовалась Зои.

– Только не такие. – Один из копов пожал плечами. – Кто-то поджег дорожный указатель. И еще брошенную машину неподалеку от Антилопа-Крик-драйв. Ну, короче, подростки балуются...

– А подростки вообще часто тут что-нибудь поджигают?

– Я хотел сказать... Нет, не часто, нас это не сильно обрадовало бы, если б такое было в порядке вещей. Но сами же знаете, каковы эти нынешние детишки.

– Что думаешь? – спросил Тейтум. – Снятие стресса?

Зои кивнула.

– Ему приходится устраивать небольшие пожары, чтобы держать свои порывы в узде. В ожидании самого главного.

– У Моисея Уилкоккса нет подсознательного побуждения устраивать пожары, – вмешалась Эбби. – У него чисто религиозные мотивы. Он делает это из извращенной веры в то, что это некая форма очищения. Моисей не стал бы поджигать дорожные указатели.

---

¹⁰ Зумба – танцевальная фитнес-программа на основе популярных латиноамериканских ритмов, нечто вроде аэробики.

– Религиозные убеждения могут быть его попыткой рационализировать собственные действия, – возразила Зои, – но не действительной причиной. Он сжигает людей, потому что у него есть к этому непреодолимое желание. Потребность. И когда эта потребность возрастает, Моисей откладывает ее с помощью сиюминутных средств для снятия стресса. В его случае, поджигания чего-то подвернувшегося под руку.

– Это означало бы, что они болтаются здесь уже достаточно давно, – заметил Тейтум. – В последнее время в городе появлялись какие-нибудь посторонние люди?

– Да вроде нет, – ответил Мосс. – А это совсем маленький городок.

– Это может быть совсем небольшая группа, – предположила Зои. – Пять или шесть человек. Могли остаться незамеченными, особенно если не высывались.

– Гораздо вероятней, что людей у Моисея значительно больше, – опять вмешалась Эбби. – Он не удовлетворился бы жалкой горсткой последователей.

Зои не стала утруждать себя дальнейшей дискуссией. На самом-то деле ее ничуть не волновало, что думает эта женщина. Вполне возможно, что у Уилкокса и вправду много последователей. Но, как и в случае с убийствами, совершенными «семьей» Мэнсона, куда более вероятно, что данный поджог был совершен маленькой горсткой самых фанатичных из них.

Пробравшись под лентой, огораживающей место преступления, она вышла из дома, повернулась лицом к бесформенным почерневшим руинам и отступила назад на несколько шагов. Где же они стояли, восхищаясь делом своих рук? Обжигающий жар огня, повсюду густой дым... Но Уилкоксу, как она предполагала, хотелось бы расположиться как можно ближе. Зои отступила еще на пару шагов. Здесь тоже наверняка сильно пекло, но, вероятно, уже вполне терпимо. И вдобавок не грозила опасность того, что горящие обломки кого-нибудь заденут.

Она могла себе это представить, как наяву. Уилкокс стоял здесь со своей группой, уставившись на огонь. Удовлетворило ли это зрелище его навязчивую потребность?

По ее оценкам, находилась она примерно в десяти ярдах от дома. Зои листала страницы, которые скопировала с предварительного криминалистического отчета, пока не нашла перечень предметов, обнаруженных на месте преступления.

В одиннадцати ярдах от восточной стены сгоревшего дома команда криминалистов обнаружила две пуговицы из слоновой кости диаметром пять восьмых дюйма. Возможно, никак не связанных с пожаром.

Но не исключено, что Моисею Уилкоксу требовалось нечто большее, чем просто огонь, чтобы достичь полного удовлетворения...

Глава 4

Первый случай, когда Эбби явилась в гости без приглашения, имел место еще в старших классах. Это был просто-таки кошмарный опыт. Ей все время казалось, что в любой момент кто-нибудь ткнет в нее пальцем и громко спросит, что она здесь делает. От стола с напитками Эбби старалась держаться подальше, поскольку даже просто прикоснуться к ним было почти равносильно настоящей краже. И в итоге большую часть вечеринки пряталась за большим растением в горшке, а вышла оттуда только тогда, когда, к ее полному ужасу, один из пьяных гостей попытался в этот горшок пописать. После этого Эбби дала себе торжественную клятву никуда не являться без приглашения.

Нарушила она эту клятву три года спустя, уже в колледже. Вторая попытка оказалась гораздо более успешной, чем первая. Эбби поняла, что как только с энтузиазмом поприветствовала нескольких остальных прибывших, то сразу почувствовала себя желанной гостьей. Фразы вроде «Я и не знала, что ты тоже придешь» или «А откуда *ты-то* знаешь Хизер?» возымели свое действие. Правда, единственным недостатком подобной стратегии оказалось то, что после окончания вечеринки она поймала себя на том, что активно помогает Хизер убираться в доме. На протяжении всех лет учебы в колледже Эбби отточила свои навыки заявляться в гости без приглашения до уровня настоящего искусства. Вообще-то такого рода вечеринки нравились ей куда больше, чем те, на которые ее приглашали.

Сейчас она тоже собиралась проникнуть кое-куда без приглашения. И хотя шансов на выпивку или захватывающие романтические встречи практически не имелось, сердце трепетало у нее в груди точно так же, как и все эти годы назад.

При виде коридоров управления полиции Дугласа и нескольких полицейских в форме, мимо которых она прошла, Эбби поняла, что уже успела соскучиться по своему собственному знакомому окружению в Нью-Йоркской полицейской академии. Стараясь не обращать внимания на накотившую волну тоски по дому, она постучала костяшками пальцев в дверь конференц-зала. И, не дожидаясь ответа, решительно вошла.

Разумеется, совещание уже шло полным ходом. Эбби намеренно появилась только через десять минут после того, как оно началось. Если б она вовремя прибыла на встречу, на которую ее не пригласили, ее немедленно попросили бы уйти. Опоздание оставляло шанс на то, что остальные участники совещания не станут заморачиваться с тем, чтобы ее выпроводить, и позволят присутствовать.

По одну сторону большого стола сидели Зои и агент Тейтум Грей, по другую – шеф Пауэлл, глава полицейского управления Дугласа, рядом с еще двумя своими сотрудниками. Стены конференц-зала украшали обрамленные в рамки фотографии бывших начальников местной полиции – ряд улыбающихся лиц, которые были единственными, кого бесцеремонное появление Эбби ничуть не смутило.

– Простите за опоздание, – извинилась она со смущенной улыбкой. – Я думала, что совещание будет проводиться в другом помещении... Мне повезло, что кто-то увидел, как я жду, и направил меня сюда.

С этими словами Эбби двинулась к свободному месту рядом с Тейтумом.

Пауэлл нахмурился, глядя на нее.

– Простите... А кто?..

– Ой! Да, виновата. Я лейтенант Эбби Маллен из полиции Нью-Йорка. Я эксперт по религиозным сектам и в данный момент расследую серию поджогов, которые, похоже, связаны с этим делом. В сотрудничестве с доктором Зои Бенгли и агентом Греем.

Усевшись, она достала толстую папку и два карандаша, которые аккуратно выложила перед собой на стол. Потом на свет божий появился еще и блокнот – Эбби пролистала его, удо-

влетворенно хмыкнула, обнаружив чистую страницу, и, подхватив один из карандашей, старательно накарябала в углу дату и время.

Зои нацелила на нее свой пронзительный взгляд.

– Маллен, я вроде бы ясно дала понять, что...

– Агент Грей пригласил меня принять участие в этой встрече, – прервала ее Эбби. – Чтобы я поделилась своими экспертными знаниями по данному вопросу.

Тейтум Грей удивленно моргнул – судя по всему, пытаясь припомнить их разговор. Он и вправду сообщил ей о предстоящем совещании. И действительно сказал, что ценит ее знания и опыт. Естественно, напрямую он ее сюда не приглашал, но Эбби, видно, предпочла читать между строк.

Грей повернулся к ней. Неужели сейчас он объявит, что ничего подобного не было?

Но агент лишь ухмыльнулся.

– Именно так! Очень рады, что вы к нам присоединились.

Зои свирепо посмотрела на него. Кто-нибудь поменьше габаритами наверняка сразу сник бы под ее лазерным взглядом, но Тейтум лишь поудобней устроился в кресле. Работая с Зои, он, вероятно, уже давно привык к ее сварливому характеру.

– Ясно... – произнес Пауэлл. – Как я уже говорил, у меня по-прежнему нет уверенности в том, что это дело связано с тем, что расследует ФБР.

Зои обратила свой гнев на него.

– А как я уже говорила, почерк этого убийства идентичен почерку пяти других, которые мы расследуем. Жертва убийства была связана в собственном доме, который впоследствии был сожжен. Способы связывания жертв во всех случаях тоже практически идентичны...

– Только не согласно материалам, которые вы прислали. – Пауэлл перевернул несколько страниц. – Две жертвы у вас были связаны цепями, одна – колючей проволокой, одна – электрическим шнуром, а одна вообще не была связана.

– Результаты криминалистической экспертизы свидетельствуют о том, что жертва пятого убийства тоже была связана, но использованная для этого веревка просто сгорела, – нетерпеливо возразила Зои. – Способ исполнения убийств менялся и эволюционировал, но «подпись» преступника оставалась прежней. Все жертвы были связаны в запястьях и лодыжках.

– Доктор Бентли, вряд ли эта, э-э... подпись настолько уж уникальна. Когда вы кого-то связываете, то как раз в запястьях и лодыжках. Не станете же вы связывать ему мизинцы?

На миг вид у Зои был такой, будто она вот-вот перепрыгнет через стол и задушит шефа полиции, но тут Тейтум многозначительно откашлялся.

– Ладно. Это дело схоже с убийствами, которые мы расследуем. Давайте сохранять открытость мышления.

– Идет. – Пауэлл поднял руки, притворно сдаваясь. – Итак, вы думаете, что Джимми Йейтса убил Моисей Уилкокс. Почему?

– У Уилкокса навязчивые фантазии, – объяснила Зои. – И постоянное желание удовлетворить их. Когда это желание становится слишком сильным, чтобы справиться с ним, ему приходится предпринимать какие-то активные действия. Он может отсрочить момент удовлетворения, регулярно устраивая небольшие пожары и тем самым временно снимая накопившийся стресс, но не способен откладывать его до бесконечности. В определенный момент ему требуется кого-то убить.

– Это нечто вроде фетиша?

Зои ненадолго задумалась.

– Это пока не ясно. Пиромания встречается чаще, чем пирофилия...

– А что такое пирофилия? – спросил Пауэлл.

– Пирофилия – это когда вид огня вызывает сексуальное возбуждение.

Пауэлл поерзал на своем месте.

– Я-то думал, что все пироманы кончают, глядя на огонь.

– Это распространенное заблуждение. Большинство пироманов не испытывают при виде пламени никакого сексуального возбуждения.

– Да ладно вам, Бентли! Может, они просто говорят, что не получают, но тогда зачем им вообще устраивать пожары? – Пауэлл закатил глаза.

– Об этом говорят результаты научных исследований, – твердо сказала Зои. – В ходе одного из экспериментов оценивалась степень сексуального возбуждения двадцати шести поджигателей и пятнадцати представителей контрольной группы, и их инструментально зафиксированная эректильная реакция...

– Может, не будем прямо сейчас обсуждать, каким образом ваши друзья-психологи измеряли степень сорока эрекций? – повысил голос Пауэлл.

– Вообще-то сорока одной, – резко поправила его Зои. – И, как я только что собиралась сказать, исследование показало полное отсутствие эрекции.

Как это ни странно, но Эбби поймала себя на том, что ей нравится Зои. Нужно быть особенной женщиной, чтобы рассуждать об отсутствии или наличии эрекции в комнате, полной мужчин. Даже Пауэллу и его сотрудникам было явно не по себе. Хотя Тейтум выглядел так, словно единственное, чего ему сейчас не хватало, – это коробки с попкорном.

– Хорошо! – рявкнул Пауэлл. – Короче говоря, пока не ясно, получает ли Уилкоккс сексуальное удовольствие от своих действий. Ему нравится убивать. Но зачем было убивать именно Йейтса?

– Йейтс, вероятно, оказался легкой мишенью, – ответила Зои. – Жил один, на выселках...

– В этом районе есть дома, расположенные еще более уединенно, – возразил Пауэлл. – И у нас полным-полно людей, живущих в полном одиночестве. Йейтс был крупным парнем, так что, скорее всего, подловить и связать его было непросто. Так почему же выбрали именно его?

Пауэлл явно что-то прятал в рукаве. Знал о Йейтсе что-то такое, чего не знали они. И теперь собирался бросить этот козырь на стол, чтобы обосновать свою точку зрения.

Зои, однако, совершенно не обращала на это внимания.

– Возможно, Уилкокса привлекает определенный тип домов, – сказала она. – Наверняка должны быть разновидности строений, которые ему приятней всего жечь. Или, может, Йейтс напомнил ему кого-то, чисто своей внешностью или телосложением... Причину выбора жертвы зачастую трудно объяснить.

Пауэлл плотно сжал губы, словно уже физически сдерживая себя в ответ на явную непонятливость Зои.

– Это может быть как-то связано с самим Йейтсом. С тем, что тот из себя представлял, – вмешалась Эбби. – Уилкоккс прежде всего – лидер религиозной секты. Все, что он делает, должно служить укреплению его власти над ней. Укреплению веры сектантов в него самого и в то, чем они занимаются. Если речь идет об убийстве, то он, скорее всего, хочет, чтобы оно представлялось им необходимым или оправданным.

Пауэлл вроде слегка сник, и Эбби поняла, что почти попала в цель.

– Джимми Йейтс был педофилом, осужденным за домогательства в отношении детей, – веско произнес Пауэлл. – Его поймали при попытке соблазнить восьмилетнего мальчишку, в роли которого в интернете выступал наш сотрудник под прикрытием. Когда мы обыскивали его дом, то нашли тайник с детским порно. Он вышел из тюрьмы всего шесть недель назад.

– Этого не было в первоначальном отчете по делу, – заметил Тейтум.

Пауэлл пожал плечами.

– Все здесь и так знают, что за гусь этот Йейтс. Мы были заняты документированием результатов криминалистической экспертизы – не было нужды приводить во внутреннем отчете то, что нам и без того известно.

– Так вот почему вы считаете, что это дело может быть исключительно местным... – задумчиво произнесла Эбби.

– Да полгорода пришло бы поджарить шашлык на костре, на котором его сжигали дотла, если б кто-нибудь их пригласил! С момента его освобождения я постоянно получаю звонки о том, что люди видели, как Йейтс проезжал мимо местной школы, как Йейтс глазел на маленькую девочку в супермаркете, как Йейтс делал какие-то подозрительные фотки своим телефоном... – Пауэлл откинулся в кресле. – И знаете что? Я и сам поджарил бы шашлык на таком огне!

– У вас уже есть какие-то конкретные подозреваемые? – спросил Тейтум.

Пауэлл извлек из стопки перед собой одну из бумаг.

– Вчера мы получили заявление о пропаже семнадцатилетней Гретхен Вуд, со стороны ее отца. Она ушла, прихватив большую часть своей одежды и около четырехсот долларов, которые украла у своих родителей. У этой Гретхен вообще мутная история. Наркотики, мелкое воровство, исключение из местной школы... Родители пару раз отправляли ее в молодежные лагеря, где ей вроде должны были помочь, но, на мой взгляд, лишь зря старались. А в тайнике Йейтса мы нашли несколько фотографий Гретхен, плавающей в бассейне, когда она была еще совсем ребенком.

– Ваша подозреваемая на данный момент – проблемная девочка-подросток? – спросил Тейтум, приподнимая бровь.

– Есть и еще кое-что. Мать Гретхен сказала, что неделю назад застукала дочь на том, что та выкачивала бензин из ее машины. – На лице Пауэлла появилась довольная улыбка. – Она предположила, что Гретхен собиралась продать бензин, чтобы купить наркотики.

– И что сама Гретхен сказала по этому поводу? – спросила Эбби.

– Да ничего не сказала... В последнее время она отказывалась разговаривать с обоими своими родителями.

– А друзей Гретхен вы опросили? – осведомилась Эбби.

– Да. Ее подружки говорят, что в последнее время она стала скрытной и была чем-то взволнована. И, по словам ее родителей, это уже не первый раз, когда дочь сбегает из дома за последнее время. В прошлом месяце Гретхен исчезала уже дважды. Хотя каждый раз через пару дней возвращалась.

– Если она уже несколько раз исчезала, то почему же они заявили о ее исчезновении только сейчас?

– Потому что в предыдущие разы Гретхен не брала с собой все свое барахло. И они сказали, что оба предыдущих раза по возвращении домой она выглядела лучше. Ее мать подумала, что дочь наконец-то взялась за ум. Но на сей раз, похоже, она прихватила с собой все, что смогла унести. И украла у них деньги.

– А никто не замечал, чтобы Гретхен пыталась что-нибудь поджечь или покупала бензин? – спросил Тейтум.

– У нас не было времени как следует изучить этот вопрос, но до сих пор вроде никто ничего такого не видел.

– Она не говорила что-нибудь про Йейтса?

– Да во всем городе только и разговоров, что про Джимми Йейтса... Так что я бы сказал, что наверняка да.

– А как насчет того, чтобы определить местонахождение ее телефона?

– Она оставила свой телефон дома.

– Вы думаете, что Гретхен сожгла Йейтса в его доме, а затем сбежала, оставив свой телефон? – скептически спросила Эбби.

– Да, мы думаем, что у Гретхен что-то такое было с Йейтсом несколько лет назад. Может, тот приставал к ней, а может, просто пытался подружиться. А потом, когда Йейтса выпустили,

Гретхен, наверное, призадумалась. И решила покончить с ним раз и навсегда. Но после поджога его дома ее напугали все эти копы, а услышав разговоры о том, что к делу подключились федералы, она и вовсе ударилась в бег.

Такое совсем не исключалось, но представлялось крайне маловероятным. Убийство Йейтса было хорошо просчитанным и технически сложным. Подросток, жаждущий мести, раздобыл бы нож или пистолет и попытался попросту зарезать или пристрелить обидчика. И даже если б Гретхен и вправду решила сжечь его дом, количество использованного бензина и тот факт, что Йейтса обнаружили связанным внутри, представлялось чем-то таким, что девчонка-подросток явно не сумела бы повернуть в одиночку. Но Пауэлл уже занял оборонительную позицию – он не был готов выслушивать все эти доводы. Ему требовалось сохранить свое чувство контроля над ситуацией и доминирующую роль. В конце концов, несмотря на его реакцию на описание Зои того научного эксперимента, в соревнованиях, предусматривающих измерение длины определенных органов, он явно не был новичком. Пока Эбби попыталась найти способ деликатно изложить свои мысли, Зои не стала сдерживаться.

– Это полная дурь, – отрезала она.

Момент был упущен. Тейтум шумно вздохнул. Лицо Пауэлла вспыхнуло, и он скрестил руки на груди.

– Даже если б существовала вероятность того, что жертва домогательств решила сжечь обидчика заживо, она не стала бы тащить в дом Йейтса по меньшей мере три тяжелых канистры с бензином, – продолжала Зои. – И просто облила бы им Йейтса, а не заморачивалась со всем этим замысловатым процессом. Не говоря уже о том, что, судя по вашему описанию, у этой девчонки не хватило бы терпения дожидаться, пока соседи не отправятся в отпуск. И, по статистике, подавляющее большинство поджигателей – мужчины, а не женщины.

– Ладно, – резко отозвался Пауэлл. – Вообще-то я не просил содействия ФБР в этом расследовании. Вполне обойдемся и без вашей помощи.

– Как я уже говорил, – умиротворяющим тоном произнес Тейтум, – это расследование может быть связано с нашим. Может, это дело рук Гретхен, может, Уилкокса, а может, и какого-то совсем другого человека. Все, чего мы хотим, – это докопаться до сути.

– Что ж, мы обязательно дадим вам знать, если что-нибудь выясним, – объявил Пауэлл, похлопывая своими бумагами по столу. Было ясно, что, по его мнению, все темы для обсуждения уже исчерпаны.

– Подождите, – твердо сказала Зои. – Нам нужно обсудить наши следующие шаги. Вряд ли обсуждается, что наблюдение за остатками дома Йейтса следует оставить еще на несколько дней. И нам надо осмотреть места других поджогов в этом районе, чтобы проверить их на наличие телесных жидкостей.

Пауэлл встал.

– Мы будем держать вас в курсе.

Эбби рассеянно собрала свой реквизит. Пока Зои продолжала что-то говорить, ей кое-что пришло в голову. За последний месяц Гретхен дважды уходила из дома на несколько дней. И ее мать сказала, что по возвращении дочь выглядела лучше. Для такого проблемного ребенка, как Гретхен, «лучше» обычно означает просто «по-другому». Девочка стала возбужденной и скрытной. И вот теперь она ушла, забрав с собой одежду, но оставив свой телефон... Да нынешний подросток предпочтет потерять почку, чем свой мобильник! Если Гретхен оставила свой телефон, то, скорее всего, лишь потому, что кто-то очень авторитетный велел ей это сделать.

Может, Гретхен просто ушла из дома, и время этого ухода было чистым совпадением... Но, пожалуй, Пауэлл был отчасти прав: она вполне могла иметь какое-то отношение к пожару. В конце концов, за несколько дней вдали от дома многое может произойти. Так что ничуть не исключалось, что Гретхен Вуд завербовали в секту Моисея.

Глава 5

Дилайла Экерт стояла в своей тесной кухоньке, уставившись на собственные пальцы. Словно загипнотизированная, положила правую руку рядом с левой и изучила разницу. Четыре пальца на правой руке были почти вдвое больше размером, чем такие же на левой. Прямо как в тех позах, которые она иногда видела на «Фейсбуке» – до и после волшебной диеты. Вот какими были ее пальцы: простой иллюстрацией «до» и «после». До Брэда и после Брэда.

Пальцы «до Брэда» были нежными и элегантными, как и сама Дилайла до Брэда. Когда-то вся она была нежной и элегантной. С ее роскошными, гладкими светлыми волосами, кожей цвета слоновой кости и тем вкусом в одежде и макияже, которым она так гордилась. На пальцах «после Брэда» красовались большие багровые синяки. Она не могла согнуть ни один из них без острой боли, которая, казалось, пронзала до самого локтя. Эти пальцы были в точности как сама Дилайла после Брэда. Вся в синяках, скованная и неповоротливая, когда каждое неверное движение вызывает нестерпимую боль.

Он прихлопнул ей пальцы выдвижным ящиком буфета, когда Дилайла доставала ложку для их дочери Эмили. Причина – задержка платежа из-за ошибки, которую она допустила накануне вечером. Брэд был весь в просроченных платежах. Он никогда не выходил из себя и не бил ее. Вместо этого всякий раз, стоило ей в чем-то ошибиться, просто говорил: «Ты за это заплатишь». Спокойным, будничным тоном. Словно бариста в кафе, называющий цену большой порции капучино. И Дилайла сразу же чувствовала, как ее внутренности завязываются узлом. Она носила в себе этот страх минуты, часы, иногда даже дни. Пока почти не уверивалась, что он всё забыл. А потом, стоило ее бдительности ослабнуть, как он сразу же спешил проследить за тем, чтобы она обязательно заплатила.

Закончилась туалетная бумага? «Ты за это заплатишь».

Случайно повысила на него голос? «Ты за это заплатишь».

Поймал ее за разговором с их соседом-мужчиной? «Ты за это заплатишь». Но всегда тихим голосом, который могла слышать только она.

Жизнь Дилайлы изобиловала долгами и отсроченными платежами. Банковскими залогами в виде страха и боли.

– Мапочка, я хочу пить!

Голосок Эмили проник в ее мысли. Сладкий и нежный. Обернувшись, она улыбнулась своей дочери. Обычно Эмили надевала одно из платьев, покупаемых ей матерью Брэда. Уродливые вельветовые вещи, которые Дилайла ненавидела, но никогда не осмеливалась жаловаться («Ты за это заплатишь»). Но у этих платьев сзади были пуговицы и молнии, с которыми Эмили сама справиться не могла. И прямо сейчас застегнуть какое-то из них было совершенно нереально. Так что Дилайла надела на дочь простое белое платье, которое купила ей сама. И в этом платье, с ее выющимися светлыми волосами, каскадом ниспадающими на крошечные плечики, и милым носиком-пуговкой, дочка была вылитым ангелочком. Внешностью Эмили пошла в Брэда. Но, к облегчению Дилайлы, глазки у нее были материнские, мягкие и карие. Дилайла постоянно повторяла себе, что глаза – это зеркало души. Что, несмотря на сходство Эмили с Брэдом, больше дочь ничего от него не унаследовала.

– Знаешь, что? – сказала она Эмили. – Сегодня ты можешь выпить сока.

Дочка радостно улыбнулась ей. Дилайла обычно старалась строго следить за количеством потребляемого Эмили сахара. Но в трудные дни той не помешало бы хоть немного счастья. И если для нее самой счастье настолько недостижимо, то счастье дочери – это уже хорошо.

Она не продумала все до конца. К коробочке с соком была приклеена соломинка, запаянная в пластик. Поэтому, достав сок из буфета, ей предстояло вытащить соломинку из пластиковой обертки, умудриться засунуть ее в коробочку и передать дочери. Это был один из

тех дней, когда каждое действие разбивалось на множество более мелких действий и ощущалось как одна бесконечная болезненная задача. Когда Эмили наконец села за стол, потягивая сок через соломинку, Дилайла уже учащенно дышала, а слезы боли туманили зрение.

Она закрыла буфет, стараясь не смотреть на него. Теперь Дилайла боялась буфетов и выдвижных ящиков. Она знала, что в руках Брэда они могут обернуться против нее. Как и двери, и стены, и тарелки, и шариковые ручки, и длинный список других вещей в их доме. Почти все их имущество было на стороне Брэда. Это было то, в чем он преуспел, – в обучении ее новым разновидностям страха. Точно так же, как у эскимосов существуют десятки или даже сотни слов для описания снега, так и Дилайла обнаружила, что теперь умеет различать великое множество разных страхов. Тот смутный страх, который она испытывала, когда уже довольно давно не совершала ошибок и знала, что вот-вот их совершит... И тот острый страх при его словах «Ты заплатишь за это»... Затяжной ужас ожидания расплаты... Страх, что это и есть ее жизнь... Страх, что кто-то из соседей опять что-нибудь скажет... Страх, что однажды он поднимет руку на их детей...

Еще пару месяцев назад Дилайла не боялась, что он когда-нибудь обидит их детей. Не потому, что не думала, что такое возможно, – она и понятия не имела, что находится за пределами возможностей и морали Брэда. Только лишь потому, что была уверена: если он когда-нибудь поднимет руку на ее детей, то всему наступит конец. Поскольку она никогда не позволила бы ему тронуть детей. Если бы такое произошло, она сразу ушла бы. Иногда Дилайла даже втайне мечтала об этом. Раньше в этом был проблеск надежды. Например, вот он поворачивается к Эмили и говорит: «Ты за это заплатишь». И тогда Дилайла сразу же собирает их сумки, садится в автобус и отправляется на другой конец страны. В некоторых из таких ее фантазий он плакал и умолял ее остаться. В других она убивала его перед уходом, пырнув своим самым острым кухонным ножом. Прекрасные, очищающие фантазии...

Но потом как-то раз Эмили вдруг захотелось печенья, а Дилайла не дала ей ни кусочка. Дочь вышла из себя и раскричалась. А Брэд вскочил со стула и направился к ней. Ну вот... Тот самый момент, когда Дилайла могла бы остановить его. Она никогда не позволила бы ему тронуть ни одного из своих детей. Дилайла уже встала у него на пути. А когда он продолжал все так же шагать к ней, а на шее у него вздулись вены...

Она отодвинулась в сторону. Ее охваченный паникой мозг продолжал твердить ей, что Брэд никогда не бил детей, что нет причин злить его. И Дилайла, застыв, смотрела, как он подошел к Эмили, присел перед ней на корточки и прорычал:

– А ну-ка тихо!

Он не ударил Эмили. Но вполне мог это сделать. И в этот момент Дилайла поняла, что, наверное, все-таки попыталась бы его остановить. Хотя, может, и не стала бы.

Новый страх... Страх, что, если он поднимет руку на детей, она не остановит его.

Тихий плач дал ей понять, что проснулся Рон. Она прошла в их спальню и склонилась над сынишкой, лежащим в кровати. Тот беззубо ухмыльнулся и что-то булькающе пролепетал.

– Привет, детка, – прошептала Дилайла. Неуклюже попыталась приподнять его левой рукой, но ничего не вышло. Рон расплакался. Стиснув зубы, она подняла его обеими руками, преодолевая приступ боли. Естественно, подгузник на нем был тяжелым. Она уже дважды меняла его после утреннего происшествия с выдвижным ящиком и теперь боялась этого. Дилайла уже подумывала, не позвать ли Эмили и не попросить ее сменить подгузник. Можно было бы сказать, что это просто такая игра. Они играют в дом, а Эмили в нем мама. Или что сегодня «День наоборот», и Дилайле с Эмили надо поменяться ролями. Эмили это понравилось бы.

Но тихий голос в голове у Дилайлы подсказывал ей, что Эмили сразу все поймет. Что маме хочется, чтобы она поменяла подгузник своему брату, потому что папа опять сделал ей больно.

Нет, к черту все это... Уложив Рона на пеленальный столик, Дилайла проделала всё это сама, заставив себя убедиться, что чистый подгузник сел плотно и удобно, пусть даже при этом и всхлипывала от боли.

Наконец закончив, она отнесла Рона в кухню и сказала Эмили:

– Ну что, пойдем прогуляемся?

Усадив было Рона в коляску, Дилайла вдруг остановилась. Вот черт... Одет тот был явно не для выхода на улицу. И в обычный-то день одеть его было практически невозможно – так он брыкался и извивался, а уж теперь... У нее перехватило дыхание. Она чуть не сдалась прямо здесь и сейчас. Предположим, Эмили можно усадить перед телевизором. А потом... просто дождаться конца дня. Завтра будет легче.

Стиснув зубы, Дилайла покатила коляску в комнату сына. Выдернула из кровати одеяла и завернула его в них, укутав как можно плотнее. Сойдет.

Снаружи, на заснеженной улице, дышалось уже немного полегче. Эмили, укутанная в свое розовое пальтишко, вприпрыжку шла перед ней, отдуваясь на морозе облачками пара. Рон с любопытством глазел на проезжающие мимо машины. Он просто обожал автомобили, особенно грузовики. Когда мимо проезжал грузовик, он всегда показывал на него, чтобы привлечь внимание своей мамы к этому самодвижущемуся чуду.

Разум Дилайлы был по большей части пуст. За пределами дома, вдали от Брэда, можно было не бояться каких-либо неприятных неожиданностей. И без этого всепоглощающего страха почти казалось, что все ее мысли окутывает мягкий пушистый туман. Она позволила себе вообразить, как уходит от Брэда, что представлялось совершенно несбыточной мечтой. Потом всплыли другие фантазии – например, что Брэд вдруг попал под грузовик или автобус. Или что у нее появилась машина времени и теперь можно вернуться в прошлое, чтобы предупредить саму себя... Хоть Дилайла и понимала, что ничего у нее не выйдет. Достаточно представить, как она, семнадцатилетняя, вся такая уверенная в себе и в окружающем мире, встречается с этой сломленной двадцатитрехлетней развалиной. В семнадцать лет двадцать три – это почти что восемьдесят, что-то совсем уж далекое, древнее и занудное. Семнадцатилетняя Дилайла сказала бы ей, что они с Брэдом – родственные души. Что он абсолютно на все готов ради нее. А двадцатитрехлетняя Дилайла даже не смогла бы вспомнить, что такое любовь. И это было так. Она и вправду не могла. Дилайла вновь устала на собственные руки, толкая коляску по тротуару. Одна опухла, другая нет. «До» и «после».

Ноги сами принесли ее к церкви. И в этом не было ничего удивительного. В последнее время ее постоянно тянуло сюда. Та Дилайла, что «до Брэда», редко удосуживалась посетить церковь даже в воскресенье, со своими родителями. Но Дилайла «после Брэда» просто не могла насытиться этим местом. Эмили здесь тоже нравилось. Часто, по дороге домой, она просила маму рассказать ей про Иисуса, Бога и про «чудесности». И Дилайла вдруг ловила себя на том, что на полном серьезе излагает ей библейские истории, в которые сама верила лишь наполовину.

И вот теперь, как только они вошли внутрь, Эмили прошла в самый центр церкви и медленно крутнулась на месте, раскинув руки. Она делала это всякий раз, когда они приходили сюда. Дилайла прокатила коляску вперед и присела на край одной из скамей. Вдохнула спертый церковный воздух, легкий мускусный запах в котором смешивался с ароматом горящих свечей. Она обычно молилась, приходя сюда. Теперь же просто сидела, наблюдая за Эмили. Рон что-то лепетал в своей коляске, и Дилайла медленно покатывала ее взад-вперед левой рукой, осторожно опустив правую на колени.

Звук открывающейся двери эхом отозвался в большом пустом помещении, и в церковь вошли двое мужчин. Одним из них был пастор Адамс – вполне себе славный дядька, хотя в его присутствии она почему-то всегда чувствовала себя немного неловко. Повстречав ее, он всякий раз смотрел на нее широко раскрытыми печальными глазами. И несколько раз повторил,

что если она когда-нибудь захочет поговорить, то его двери всегда для нее открыты. Причем однажды сказал ей это, когда рядом с ней стоял Брэд – явный признак того, что при всех своих добрых намерениях он ни хрена не знал.

Другого мужчину Дилайла не узнала. Поначалу, при виде его седины и худощавой жилистой фигуры она решила, что он очень стар. Но когда этот мужчина шел к алтарю бок о бок с Адамсом, казалось, что двигается он с грацией и энергией, которых она никогда в жизни не видела у столь пожилых людей. Одет он был в простую белую хлопчатобумажную рубашку и белые брюки, которые еще больше подчеркивали его густой загар.

Оба мужчины во время разговора улыбались, и по выражению их лиц и жестам было ясно, что они хорошо знают друг друга. Разговаривали вполголоса, слова было не разобрать. Адамс глянул в ее сторону, а затем подался ближе к своему собеседнику и что-то ему сказал. Другой мужчина тоже посмотрел на нее. И вроде как примолк, широко раскрыв глаза.

Настало время уходить. Дилайла встала.

– Эмили, нам пора домой.

– Подожди немножко, мамочка! – пропищала та чуть ли не на всю церковь, прыгая на одной ножке по проходу между скамьями. – Я почти закончила.

– Уже поздно, детка.

– Дилайла, – послышался вдруг голос пастора Адамса. – Знакомься – это отец Уильямс.

Дилайла повернулась лицом к двум мужчинам, которые теперь стояли всего в паре футов от нее. Она все еще не могла точно определить возраст незнакомца. Ему с равным успехом могло быть как пятьдесят, так и семьдесят или все сто десять лет. Он посмотрел на Эмили сквозь изящные очки в золотой оправе, и улыбка тронула его губы.

– Девочка – настоящее чудо. – Голос у него был хоть и негромкий, но сильный.

– Ну да, – отозвалась Дилайла, отводя взгляд. – Она очень милая.

– У меня осталось немного печенья с благотворительной распродажи, которую мы вчера тут устраивали, – сказал Адамс. – Могу я угостить Эмили?

– Нам и вправду пора идти...

– Печенье? – взволнованно переспросила Эмили.

– Это займет всего минуту. Они у меня вон там. Пошли, Эмили.

Адамс повел девчушку по проходу. Дилайла напряженно смотрела на них. К ее облегчению, священник не попытался вывести ее дочь за дверь, а отвел ее в дальний конец церкви, где стоял маленький столик с парой коробок печенья.

– Хотел бы я снова стать ребенком, – произнес отец Уильямс. – Чтобы прийти в такой восторг от перспективы угоститься печеньем.

– Обычно я не даю ей сладкого в столь поздний час, – сказала Дилайла. – Из-за этого ей сложнее заснуть.

– Каждое правило заслуживает того, чтобы его иногда нарушали... И что же это с тобой приключилось, дитя мое?

Его глаза были прикованы к ее распухшей руке. Она неуклюже сунула ее в карман, поморщившись от боли.

– Такая вот дурацкая неприятность... Под тяжелый ящик подставила. Я такая недотепа...

– Сомневаюсь, что ты и вправду сама в этом виновата. Что-то не похожа ты на недотепу...

По мне, так вполне самостоятельная и разумная женщина.

Дилайла издала тихий смешок.

– О нет, и в самом деле все было так! Просто глупая оплошность с моей стороны.

– Может, и оплошность... Только вот, по-моему, довольно давняя.

Дилайла ничего не ответила, наблюдая за Эмили, которая радостно грызла печенье, пока Адамс что-то рассказывал ей.

– Знаешь, – продолжал отец Уильямс, – по-моему, нет ничего трудней материнства. Пестовать эти крошечные души, оберегать их от всех опасностей в этом мире... До сих пор тебе это просто потрясающе удавалось.

Дилайла перевела на него взгляд.

– Вы совсем меня не знаете, святой отец.

Он улыбнулся ей, глаза его сияли.

– Но у меня есть глаза! Я вижу твоих детей. Они счастливы, хорошо одеты, сыто накормлены... Был ли столь уж легким твой путь?

Дилайла собиралась уже сказать, что да, все было проще простого. А потом схватить Эмили и двинуть домой. Но почему-то вместо этого тихо произнесла:

– Нет.

Голос у нее дрожал, и это единственное слово едва не застряло у нее в горле.

– Да, это было не так, – просто сказал Уильямс. – Ясно, что путь твой был непростым. И ты прошла его в одиночку. Ты просто чудо, Дилайла. Надеюсь, что ты и сама это знаешь.

Когда в последний раз кто-нибудь говорил ей нечто подобное? Когда в последний раз хоть кто-то восхищался ею? Окружающие ее люди проявляли к ней в основном жалость вперемешку с осуждением. Она знала, о чем они думали. Думали, что уж они-то не стали бы и дальше жить такой жизнью. Что уж они-то не позволили бы такому случиться с ними. Они относились к ней как к чему-то сломанному и не стоящему починки.

– Спасибо. – По щекам у нее текли слезы. Дилайла поспешно вытерла их здоровой рукой.

А отец Уильямс все продолжал говорить, рассказывая ей, какая она сильная. Какая крепкая духом. Какая умная. Больше уже не имело значения, что он ее совсем не знал. Дилайла ощущала то же самое, что и он. Может, он просто как-то сумел это интуитивно прочувствовать. Может, как Божий человек, он видел больше. Ей было все равно. Она хотела хоть раз услышать, что имеет право гордиться собой.

– Зачем ты приходишь сюда, Дилайла? – наконец спросил он.

– Сама не знаю, святой отец.

– Пожалуйста, – отец Уильямс коснулся ее плеча, – можешь называть меня просто Моисей. Пастор Адамс сказал, что ты часто приходишь сюда. Зачем?

– Чтобы быть ближе к Богу? – пробормотала она.

– Веская причина, – подтвердил он. – А чего же ты просишь у Бога, когда молишься?

– Раньше я молилась о помощи, – ответила Дилайла прерывающимся голосом.

– А теперь перестала?

Она коротко кивнула.

– Наверное, ты просто молилась не о том, – предположил Моисей.

Дилайла удивленно посмотрела на него.

– Как это? О чем я должна была молиться?

Он вновь улыбнулся – более жесткой, даже мрачной улыбкой.

– О воздаянии.

Глава 6

Эбби помассировала виски. Пульсирующая головная боль угрожала проявиться в полную силу. Свет у нее в гараже был слишком тусклым, и резко контрастирующий с ним яркий экран ноутбука медленно, но верно сажал сетчатку, оставляя на ней свои прямоугольные следы.

С момента ее поездки в Вайоминг прошла уже неделя. Но если б ей пришлось как-то обозвать этот промежуток времени, она не стала бы употреблять слова вроде «неделя» или «семь дней». Скорее он представлялся чем-то вроде бесформенного болота без реального начала и конца, вязкого и липкого на ощупь. И ей казалось, будто она тонет в нем.

Эбби взяла на своей работе в полицейской академии неоплачиваемый отпуск. Теоретически для того, чтобы побыть с детьми и помочь им оправиться от психологической травмы, полученной в результате ситуации с захватом заложников в школе имени Христофора Колумба, имевшей место месяцем ранее. Но на деле большую часть этого времени она посвятила изысканиям, касающимся Моисея Уилкокса. Просматривала дела о поджогах, которые могли быть ему приписаны, искала все, что выделялось из общего ряда. Пролистывала веб-страницы или распечатывала их, когда от экрана начинали слезиться глаза. На столе у нее царил полный кавардак – беспорядочная мешанина из полицейских отчетов, фотографий и наложенных друг на друга временных графиков. В голове творилось примерно то же самое, а мысли о расследовании просачивались и в ее повседневную жизнь. Эбби ловила себя на том, что когда сын рассказывает ей, как прошел день в школе, голова у нее больше занята горящими домами и людьми, кричащими внутри. Когда она засыпала, снились ей в основном груды бесконечных отчетов о поджогах и пожарах. Даже священное время в ванной комнате не было свободно от размышлений о разновидностях катализаторов горения и уставном времени реагирования пожарных команд.

К счастью, с прошлых выходных дети обитали у ее бывшего мужа, Стива, что на целых четыре дня освободило ее от материнских обязанностей. Тем не менее Эбби частенько засиживалась за работой до глубокой ночи, накапливая бессонницу и компенсируя ее двумя проверенными средствами одного и того же цвета – шоколадом и кофе. А значит, вдобавок пребывала во взвинченном состоянии, накачанная сахаром и кофеином. И в довершение всего постоянно грызлась чувством вины за то, что не уделяла достаточно времени Сэм и Бену.

Наибольшее же раздражение и тоску вызывало то, что она совершенно не представляла, добились ли полиция Дугласа какого-либо прогресса в поисках Гретхен Вуд. Если поначалу местные копы и выказывали какую-то склонность к взаимному сотрудничеству, то после совершенно недопустимой выходки Зои во время совещания об этом можно было прочно забыть.

К счастью, Эбби удалось подружиться с одной женщиной из полицейского управления Дугласа, некоей Мартой. Хотя делом об убийстве она непосредственно не занималась, но была рада поделиться кое-какой информацией в духе межведомственной взаимовыручки – и собственной женской потребности посплетничать.

Оторвавшись от экрана, Эбби набрала ее номер.

– Алло? – Голос Марты, высокий и жизнерадостный, послышался в трубке после первого же гудка. – Эбби Маллен, как твои делишки?

– Привет, Марта, – сказала Эбби. – А у тебя как?

– Всё в полном порядке! Помнишь соседку, про которую я тебе рассказывала? Ту, что в юбке?

Эбби ничего такого не помнила.

– А-а, ну да, конечно – соседка в юбке!

– Короче, вчера вечером у нас был долгий разговор, и она согласилась сделать со своей стиральной машиной всё, что в ее силах. А я пообещала, что постараюсь держать своего

маленького Поппи подальше от ее двора. Так что все хорошо – это такое облегчение... Знаешь ведь, как даже маленькая ссора может действовать на нервы? Я едва могла заснуть.

– Очень рада это слышать. И как ты собираешься не пускать туда Поппи?

От ответа Эбби сразу же абстрагировалась, открывая личные страницы Гретхен Вуд в социальных сетях. Та была представлена в «Твиттере», «Фейсбуке» и «Инстаграме»¹¹, но все три аккаунта наглухо замолчали с тех пор, как она исчезла. Эбби проверяла их каждый день. Сегодня тоже не появилось ничего нового.

– Итак, ты звонишь, чтобы опять спросить про Гретхен Вуд? – сказала Марта после долгого и избыливающего подробностями монолога, посвященного Поппи.

– Да. Просто интересно, есть ли какие-нибудь новости.

– Не думаю, что они особо продвинулись... Томпсон, ответственный по делу? Ну, у него сейчас кое-какие проблемы с родней, так что он малость рассеян. Судя по всему, там какая-то размолвка по поводу наследства. По-моему, это просто ужасно, когда люди устраивают разборки из-за имущества после смерти своих близких... Ужасно ведь?

– Конечно же, ужасно, – послушно отозвалась Эбби. – Значит, никаких подвижек?

– Ну, как я слышала, они выяснили, что Гретхен Вуд купила пятигаллонную канистру бензина на местной заправке, прежде чем исчезнуть, и это выглядит не слишком-то хорошо.

– Да, не лучшим образом, – согласилась Эбби, записывая: «Вуд купила бензин + скачала у матери. Следуя чьим-то инструкциям или по собственной воле?»

– Поппи, нет!.. Ой, прости, Эбби. Я сейчас кормлю своих кошек, а Поппи поцарапал Жоржетту. Просто не знаю, что на него нашло в последнее время... О боже, пакет с кошачьим кормом уже почти пустой! У меня такое чувство, что на две недели его уже не хватает.

Эбби улыбнулась.

– Прекрасно тебя понимаю. Мне вот тоже приходится постоянно покупать еду для моих... гм... домашних животных.

Тут у нее внутри все сжалось. Ее домашние животные... Черт бы их побрал.

Вот блин...

– Марта, я тут сию секунду кое-что вспомнила. Я тебе потом перезвоню, хорошо?

Дав отбой, Эбби вскочила со стула и поспешила в комнату Бена. Киблс, заметив это, с лаем помчалась за ней.

Через несколько секунд Эбби распахнула дверь комнаты своего сына, где ее ждали сразу несколько очень голодных хищников.

За недавние годы ее дети успели обзавестись собственными домашними питомцами. Киблс, собака породы померанский шпиц, официально принадлежала Саманте. Хотя от породы она была белой, Сэм выкрасила ей хвост в розовый и фиолетовый цвета, так что с определенного ракурса собака смахивала на какого-то недоделанного единорога. Отправляясь к Стиву, Сэм обычно брала ее с собой, но когда этого не делала, Эбби выгуливала и кормила Киблс, хотя официально никогда не давала на это согласия. Это просто случилось. Впрочем, достаточно легко вспомнить, что пора покормить домашнее животное, когда оно скулит, лает и повсюду таскается за тобой.

А вот домашние животные Бена – совсем другое дело. В том, что представлялось Эбби попыткой создать миниатюрный дом ужасов, Бен обзавелся хамелеоном, тарантулом и змеей – пятнистым полозом. Что еще хуже, в комнате имелся еще и четвертый виварий с десятками ползающих в нем сверчков, обреченных стать пропитанием для тарантула и хамелеона.

Хотя Бену было всего восемь, к своим питомцам он относился с невероятной ответственностью. Но всякий раз, когда сын надолго уезжал погостить к своему отцу, кормить их было

---

¹¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. – *Прим. ред.*

обязанностью Эбби. Впрочем, питались эти твари не каждый день, и дверь комнаты Бена всегда была закрыта, когда его там не было, – чтобы они знали свое место. С глаз долой, из сердца вон. И в нынешнем состоянии Эбби, когда она отчаянно пыталась привести в равновесие свою работу, частное расследование и материнство, они напрочь вылетели у нее из головы.

– Простите, – выпалила Эбби, даже не особо представляя, к кому обращается. Но ни одно из этих ужасающих адских созданий вроде как не было в настроении ее прощать. Вид у них был крайне недовольный. Даже еще больше, чем обычно, а это уже само по себе о чем-то говорило.

Черт, надо же было заранее разморозить мышь! Размораживание мышей тоже каким-то образом успело стать частью ее жизни. Эбби бросилась на кухню и, рывком распахнув холодильник, вытащила из него за обледеневший хвостик замороженную в камень мышку, словно какое-нибудь эскимо на палочке. Бросила его в специальную кружку для размораживания мышей и поставила под кран в раковине, надеясь, что Кренделек не станет возражать, если его еда будет влажной. Придется ему с этим смириться, поскольку она в жизни не засунет дохлую мышь в микроволновку.

Опять сгоняла в комнату Бена, взяла там пинцет. Нужно было поторапливаться. Дети должны вернуться всего через пару часов, и если Бен узнает, что она оставила его бедных монстров из бездны голодать, слез не оберешься.

Открыв виварий со сверчками, который Сэм называл «МакСверч», Эбби принялась одного за другим вылавливать его обитателей, бросая их в виварий хамелеоники Табиты. Табита каждые три дня съедала по шесть сверчков. Паук Джиперс – одного каждые двенадцать дней. А полозу Крендельку полагалось по одной мыши каждые восемь дней. Это означало, что каждые двадцать четыре дня наступал жутковатый парад планет и все трое питались одновременно. И Эбби пропустила эту знаменательную дату на целых два дня.

Покончив с хамелеоном, она выудила сверчка для Джиперса.

И тут у нее зазвонил телефон. Эбби уже подумывала позволить ему звонить дальше, но, как эксперту номер один полиции Нью-Йорка по переговорам об освобождении заложников и урегулированию кризисных ситуаций, ей всегда полагалось оставаться на связи. И было бы трудно объяснить, что кто-то сиганул с высокой крыши, потому что она кормила паука.

Эбби поспешила в свою комнату, все еще держа в руке пинцет с извивающимся сверчком, которому выпала очень спешная экскурсия по дому. Схватив телефон, она кое-как ответила на звонок.

– Эбби? Это Марта.

– О, привет, извини, мне пришлось повесить трубку. Ты напомнила мне, что я забыла покормить своих собственных... домашних животных. – Эбби двинулась обратно в комнату Бена, зажав телефон между щекой и плечом. – Сама ведь знаешь, как они могут проголодаться.

– Можешь мне не рассказывать. – Марта рассмеялась. – Я просто только что кое о чем вспомнила. Приходила сестра Гретхен, Мейген, чтобы поговорить о Гретхен. Они общались с ней целых двадцать минут, но это ни к чему не привело. Она плакала, когда уходила.

– Я даже не знала, что у Гретхен есть сестра... – Эбби осторожно опустила сверчка в клетку Джиперса, и волосатый паук сразу же выскочил из своего укрытия, чтобы схватить его.

– Младшая сестра. Ей четырнадцать. Вид у нее был совсем убитый. Меня это очень расстроило, потому что я ее знаю. У нее школа танцев там же, куда я хожу на йогу. Это весь город на уши поставило, понимаешь? Дуглас обычно такое тихое место...

– Могу себе представить. – Еще раз сходя на кухню и вытащив из кружки мокрую мышь, Эбби призывно помотала ею над змеиным виварием. Крендельку, в отличие от двух других его жутких соседей по комнате, требовалось, чтобы ты прикладывал определенные усилия, подавая ему еду. Если б она просто бросила мышь в виварий, он к ней даже не притронулся бы. – Есть какие-то мысли, как я могу поговорить с Мейген?

– По-моему, она оставила свой номер телефона... Дай-ка гляну.

– Спасибо, было бы просто замечательно. – Эбби едва подавила дрожь, когда Кренделек наконец счел, чтомышь подвешена удовлетворительно, и метнулся к ней, после чего схватил и обвился вокруг нее. Она закрыла виварий и вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

– Да не за что... – рассеянно отозвалась Марта. – Погоди-ка... Почему он не дает мне войти в систему? Блин, эта новая система...

Кто-то постучал во входную дверь. Все еще прижимая телефон к уху, Эбби подошла к ней и посмотрела в глазок. На лице у нее расплылась улыбка, когда она увидела, что это Джонатан Карвер с пакетом какой-то еды, купленной на вынос. Она открыла дверь и одними губами произнесла «Привет». Улыбнувшись, Карвер прошел мимо нее на кухню. Эбби была рада, что успела убрать оттуда мокруюмышь.

– Вот, – наконец произнесла Марта. – Записываешь?

– Диктуй.

Эбби записала номер и, поболтав с ней еще пару минут, закончила разговор. Войдя на кухню, увидела, что Карвер уже вытащил две тарелки и поставил их на стол. Затем он порывлся в кухонных ящиках. Оба были на той стадии, когда он уже не стеснялся сам накрывать на стол, но еще не совсем хорошо представлял, где что лежит.

– Справа от тебя, – подсказала Эбби, прислонившись к дверному косяку. – Ты не сказал мне, что приедешь.

Карвер улыбнулся ей.

– Ну, я просто соскучился. Наш субботний поход в кино ты отменила...

– Прости, дел было по горло.

– И когда я тебе вчера звонил, ты тоже была занята.

– Я проверяла одну зацепку.

– А когда сегодня утром я отправил тебе сообщение, в ответ ты прислала только смайлик.

Карвер открыл принесенный пакет, и по всей кухне растеся дразнящий аромат свежей выпечки и расплавленного сыра.

– Это был смайлик в виде сердечек, – обиженно отозвалась Эбби, глотая слюнки.

– Как бы там ни было, мне требовалось нечто большее. Сэндвич с курицей: острый или не острый?

– Острый, будь добр.

Оттолкнувшись от косяка, Эбби обняла его сзади, растворяясь в его теле, глубоко вдыхая его аромат. Она не только проголодалась. Она соскучилась по нему. После ее возвращения из Вайоминга они лишь раз коротко пересеклись, после чего Эбби с головой ушла в это свое расследование.

После трагических происшествий в школе Сэм они стали проводить куда больше времени вместе. Похоже, что впервые после своего бывшего мужа Эбби наконец-то в кого-то влюбилась. Это было пугающе, пьяняще и совершенно безрассудно. И так хорошо!..

Карвер повернулся и склонил к ней голову. Она привстала на цыпочки, и их губы встретились в долгом, сладком поцелуе. Он запустил пальцы ей в волосы.

– Ну привет, – прошептал Карвер.

Прислонив голову к его груди, Эбби слушала, как колотится его сердце.

– Привет, – пробормотала она. Несколько ударов сердца удерживала его, а затем отступила на шаг. – Спасибо! Если б ты это не купил, мне пришлось бы доедать остатки вчерашней пиццы.

– У меня было чувство, что тебе нужен кто-то, кто бы за тобой поухаживал, – сказал Карвер, усаживаясь за стол. – Есть еще картофельные шарики с сыром и беконом. Видишь?

Присоединившись к нему за столом, Эбби откусила большой кусок острого сэндвича с курицей.

– О, вкуснятина, – пробубнила она с набитым ртом.

– Бен и Сэм сегодня возвращаются?

– Да. – Эбби глянула на часы. – Через пару часов. Я забыла покормить питомцев Бена и только сейчас вспомнила.

Карвер вздрогнул. Он не относился к горячим поклонникам коллекции Бена. Впрочем, как и Эбби, и Сэм, и Стив, и прочие нормальные люди.

– А что они едят?

– Человеческое мясо, – ответила Эбби, откусывая еще кусочек.

– Ого? И его продают в магазине?

– Нет, и это такая морока... Приходится охотиться. Шумное и грязное дело. И замучаешься, пока разделаешь, чтобы в холодильник влезло.

Жующие челюсти Карвера замедлились, и он с несчастным видом посмотрел на свой сэндвич.

– Что, перебор? – спросила Эбби.

– Есть немного, – признался Карвер. – Так как продвигается твое расследование?

– Пытаюсь найти ту девушку из Дугласа. – Она откусила большой кусок от своего сэндвича, и соус капнул ей на подбородок. Эбби поспешно вытерла его. – Гретхен Вуд. Она пропала без вести. Полиция Дугласа считает, что это она могла совершить поджог.

– А ты нет?

– Похоже, что она все-таки каким-то образом в это вписана, хотя, по-моему, не сама по себе, а через секту Уилкокса. Думаю, он по-прежнему набирает людей.

– Какое это может иметь отношение к поджогам?

– Может, и никакого... – Она немного поколебалась. – Но это могло быть своего рода посвящением. Или проверкой. Я не знаю.

– Тогда должны иметься и аналогичные случаи по другим делам о поджогах. Ты не проверяла, не было ли еще таких вот без вести пропавших?

– Проверяла. Пока что без толку. Нашла одного человека, пропавшего без вести в Макферсоне, в Канзасе. Исчез за три дня до поджога. Но он не подходит.

– И почему же? Ты ведь мне говорила, что завербовать в секту можно кого угодно.

– Конечно, но ему девяносто три, и у него старческое слабоумие, так что я сомневаюсь, чтобы он был интересен секте. Скорее всего, старик просто заблудился и не смог найти дорогу домой.

Прикончив свой сэндвич, Карвер подался вперед и провел тыльной стороной пальцев по голому запястью Эбби. В животе у нее разлилось приятное тепло. Внезапно она почувствовала, что не так уж и голодна. По крайней мере, что касается сэндвича.

– Значит, пропавших больше нет? – спросил он.

– Гм... нет. Не совсем. Пропавшие без вести – это не выход. Это абсолютно ничего не значит. Люди, завербованные в какую-нибудь секту, не обязательно бесследно исчезают, как Гретхен. Они могут уйти из дома по собственной воле, сообщив об этом своим близким. Если полиция не связывает их с поджогами, у нас нет причин об этом услышать.

Карвер улыбнулся ей.

– И все-таки могу сказать, что ты довольна собой. Так нашла что-то в итоге?

Эбби ухмыльнулась.

– Моисей предпочитает небольшие городки в разных штатах. Скорее всего, в надежде на то, что местной полиции будет не по зубам его вычислить. Но народу-то там всего ничего. Сразу заметно, если кто-то вдруг пропадает. Так что мне просто нужно найти человека, который в курсе местных слухов. Сейчас покажу.

Она встала и сходила к своему письменному столу, чтобы забрать распечатанные фотографии. Вернувшись в кухню, положила между ними три снимка.

– Та, что слева – это Гретхен Вуд. Девушка посередине – Нелли Оуэнс, из Ньюберри, Южная Каролина. Она довольно неожиданно ушла из дома, сказав своим родителям и друзьям, что нашла работу менеджера проекта в Кремниевой долине – что наверняка чушь собачья. Дома Нелли работала официанткой, даже среднюю школу не закончила. Она заняла деньги на переезд у своих родителей, пообещав отдать их со своей первой зарплаты.

Карвер взял в руки фотографию Нелли.

– И ты думаешь, что в итоге она оказалась в секте?

– Исчезла на следующий же день после пожара. Практически не звонит домой. Полностью перестала общаться со своими друзьями. И появляться в соцсетях.

Джонатан положил фотографию обратно на стол – уже слегка перепачканную майонезом.

– Ну а на третьей кто?

– Фрэнк Берри, из Теннесси. Из городка под названием Льюисбург. Бросил жену и ребенка, опустошив их сберегательный счет. За два дня до тамошнего поджога.

– Почему его жена не заявила о его исчезновении?

– А он и не пропал без вести. Сказал ей, что уходит от нее. Она сейчас подает на развод, но никак не может его найти. Об этом весь город говорит... Не трогай фотку! Не хватало еще, чтобы ты и эту измазал.

Карвер смущенно отдернул руку.

– А как насчет каких-то зацепок на месте поджога? Криминалистические улики, свидетели... Есть что-нибудь?

– Эта тетка из ФБР, Зои Бентли... Она очень хорошо постаралась, чтобы о каком-либо сотрудничестве с местными копами можно было прочно забыть. Так что сведения у меня лишь обрывочные.

– Типичные фэбээровские штучки. – Карвер наколот на вилку картофельный шарик. – Влезть куда-нибудь и вывести всех из себя.

– Ага.

Доев свой сэндвич, Эбби принялась было облизывать пальцы, но вдруг устыдилась и вытерла руки о салфетку.

– Слушай, ты в следующий понедельник как – свободен, ближе к вечеру?

– Хочешь пойти со мной в кино, как обещала?

– Нет. – Эбби покачала головой и отпила «Кока-колы». – У Сэм концерт в школе. К которому она готовилась с того самого дня.

«Тем самым» Эбби называла день, когда в школу Сэм ворвались вооруженные люди, взяли ее дочь в заложницы и удерживали там целые сутки. Это не нуждалось в уточнении. Под «тем самым» подразумевался лишь один-единственный день.

– Ты хочешь, чтобы я пришел на концерт Сэм? – удивленно спросил Карвер.

– Я хотела сказать... да. Если ты не против. Если хочешь просто провести вечер вдвоем, можем договориться на какой-то другой день...

Карвер взял ее за руку и слегка сжал.

– Я не это имел в виду. – Он улыбнулся. – Очень хочу пойти.

Эбби выдохнула.

– Ладно. Хорошо.

– А что ты скажешь Бену и Сэм?

Сердце у нее екнуло.

– Они же в курсе, что мы встречаемся.

– Тогда ладно.

Глаза у Карвера сверкнули. Боже, как она любила его глаза!

Эбби встала, подошла и провела пальцами по его спине вниз от воротничка рубашки.

– Я хочу тебе кое-что показать в спальне...

– Да? И что же? – Карвер поднялся со стула. – Ты ведь заманиваешь меня туда не для того, чтобы убить и скормить змее Бена, надеюсь?

– Не дури. У тебя слишком много мускулов. Змея Бена ест только младенцев.

Карвер вздохнул, когда Эбби повела его в спальню.

– Опять перебор? – прошептала она, притягивая его к кровати.

– Немножко. Но это часть того, почему я люблю тебя.

По телу Эбби прокатилась покалывающая волна, когда он поцеловал ее, и она закрыла глаза.

Глава 7

За все эти годы наука криминалистика добилась небывалого прогресса. Виртуальные вскрытия при помощи трехмерных визуализирующих сканеров... Экспресс-анализ ДНК... Технологии реконструкции лиц... Технические средства, которыми сейчас располагала Зои, были намного эффективней, чем всего пять лет назад. Но если б ей пришлось назвать одну важную вещь, которая куда действенней прочих повышала результативность ее усилий, то это, вне всяких сомнений, был бы альбом Тейлор Свифт под названием «Любимый».

Тейлор зацепила ее. И что более важно, она в точности понимала, что нужно Зои для работы.

Прямо сейчас, например, требовалось начать все с нуля, опять просмотрев все дела об убийствах с поджогами с самого начала. А что может быть лучше для этого, чем быстрое, легкое и оптимистичное «Я забыла, что ты существуешь»?

– Та-та-та-та-да, – напевала Зои, очищая свою стену от фотографий и заметок. – «Всё не так, всё не так, всё не так»!

Она изначально ошибалась – всё и вправду оказалось не так, как и предполагал Тейлор. Зои сосредоточилась исключительно на пожарах. В буквальном смысле как мотылек, притянутый к пламени – самой яркой детали в материалах дела. Но дело оказалось вовсе не в этом. Моисей Уилкоккс был не просто пироманом из тех, что с разинутым ртом пялятся на пожарные машины. Не был он и пирофилом, получающим сексуальное удовлетворение от вида пламени.

Надо было понять это с самого начала. Когда Сын Сэма, Дэвид Берковиц¹², убивал своих жертв, никто не высказывал предположений, будто занимался он этим лишь потому, что был одержим своим пистолетом или грохотом выстрелов. Нет, он был поглощен желанием убивать.

И Уилкоккс тоже. Его навязчивые фантазии крутились не вокруг поджогов. А вокруг убийства.

Отступив на шаг, Зои с удовлетворением оглядела голую стену в своем кабинете. Чистый лист. Ну, скажем, более или менее чистый. Годы наклеивания на эту стену фотографий и прочих бумаг оставили свой след в виде осыпающейся краски и многочисленных потеков.

Это дело было необычным не в одном-единственном смысле. Как правило, когда Зои принималась за расследование, в ее обязанности входило определить какие-либо характерные черты серийного убийцы. Это позволяло полицейским детективам сузить круг подозреваемых. Но с того момента, как с ней связалась лейтенант Маллен, подозреваемый был уже известен. Теперь задача Зои состояла в том, чтобы выяснить, что именно движет этим человеком, дабы предсказать его дальнейшие действия. Понять, какие следует предпринять шаги, чтобы выманить убийцу из его убежища, и в каком месте он нанесет следующий удар, чтобы они могли перехватить его до того, как это произойдет.

Недостатка в информации о нем не было. Моисею Уилкокксу было посвящено множество книг, документальных фильмов и полицейских отчетов. При желании Зои могла бы опросить сотни людей, которые встречались с этим человеком несколько десятилетий назад. Проблема была даже в другом – пришлось бы изрядно потрудиться, чтоб отфильтровать ценную информацию от обычной трепотни и добросовестных заблуждений.

Зои повернулась к заваленному бумагами столу. На нем, громоздясь ненадежной башней, лежали три книги о Моисее Уилкокксе и массовом убийстве в его секте, одна книга о религиозных культах, две книги о Мэнсоне и больше дюжины профильных книг по ее специ-

---

¹² Дэвид Берковиц (р. 1953), также известный как Сын Сэма и «Убийца с 44-м калибром» – американский серийный убийца, лишивший жизни 6 человек и тяжело ранивший еще семерых. Начиная как пироман, поджегший в Нью-Йорке более 200 свалок и пустующих зданий. Признался, что совершал все эти преступления ради получения сексуального удовольствия.

альности, которые она недавно успела просмотреть. Зои укладывала их беспорядочно, нетерпеливо, вкривь и вкось, большие толстые книги зачастую оказывались поверх книг поменьше, и к настоящему времени эта книжная башня держалась уже исключительно на честном слове.

Рядом с книгами были разложены шесть фотографий жертв. Зои собрала их и отложила в сторону. Настоящей целью были жертвы, а не дома. Отыскав фото потерпевших, она приклеила их на стену в хронологическом порядке, слева направо. Четверо мужчин, две женщины, возраст – от двадцати трех до шестидесяти семи лет. Трое белые, европейской внешности, один афроамериканец, двое латиноамериканцев – демографической закономерности тоже явно не прослеживалось.

Под снимками каждой из жертв в полный рост Зои прикрепила фотографии сгоревших домов. Затем, после минутного раздумья, стала просматривать бумаги на столе, пока не нашла распечатанные фото домов в их первоизданном виде – до того, как те были сожжены. Эти изображения она нашла на картах «Гугл», виды улиц на которых отставали от нынешнего положения дел. Приклеила каждое из них скотчем под фото соответствующих обугленных развалин. Эти дома были частью того, что видел Моисей, когда планировал свои убийства.

Повернувшись к белой доске, Зои разделила ее маркером надвое. Одну колонку озаглавила «Подпись», другую – «МО». Это был один из основных принципов составления психологического профиля убийцы – отделять то, что убийца использовал как средство для достижения своей цели, от того, что было важной частью его планов – его фантазий. «Модус операнди», или же собственно образ действий преступника, постоянно менялся и эволюционировал по мере того, как убийца набирался опыта. «Подпись» же в основном оставалась прежней или менялась не так быстро – по мере развития его фантазий.

В разделе «МО» она написала: «Средства обездвиживания». Как указал Пауэлл на том дурацком совещании, Уилкокс регулярно менял то, чем связывал своих жертв. Веревка, цепи, электрический шнур...

Просматривая фотографии жертв, Зои удовлетворенно кивнула самой себе. Она была права. Каждый раз жертвы были связаны одинаковым способом: в лодыжках и запястьях. Но это отнюдь не самый распространенный способ связывать людей, как утверждал тот несносный тип, поставленный командовать местной полицией. Руки всех жертв были связаны спереди, а это необычно. Вроде бы довольно непредусмотрительно со стороны убийцы – при наличии времени можно освободиться, развязав узлы зубами. Но это вынуждало жертв принимать определенную позу, особенно когда они сворачивались калачиком, чтобы избежать жара пламени. Позу, чем-то сродни молитвенной.

Под заголовком «Подпись» Зои написала: «Способ связывания – молитвенная поза».

Все дома были сожжены с использованием чрезмерного количества бензина. Уилкокс мог запросто спалить их дотла при помощи куда меньших запасов горючего и наверняка это знал. Зои не сомневалась, что этот человек регулярно устраивал пожары, пусть даже и не был обыкновенным пироманом. Опыта у него хватало. Так зачем же использовать так много? Может, он хотел, чтобы дома сгорали быстрее?

Или это как-то связано с сектой? Может, ему всякий раз требовалось множество канистр с бензином, чтобы все его последователи были гарантированно вовлечены в это действие? Возможно ли такое? Может, некоторые характерные особенности этих преступлений объяснялись не реализацией фантазий убийцы или чисто технической необходимостью, а на самом деле как-то связаны с управлением сектой? Это поместило бы данные особенности в третью категорию, которая не была ни «подписью», ни МО.

Зои прикусила губу. Это было вне ее компетенции. Она накопила свои знания, анализируя биографии, психологические профили и результаты опросов сотен серийных убийц. Но эти серийные убийцы в основном действовали в одиночку или максимум с одним сообщником. Серийного убийцу побуждает неоднократно убивать совсем не то же самое, что вынуж-

дает делать это лидера религиозной секты. И дела Джима Джонса или Дэниела Переса¹³ были совсем не похожи на то, с чем они столкнулись сейчас. Единственным, что это более-менее напоминало, было дело Чарльза Мэнсона, а она не могла делать никаких заключений на основании одного единичного случая. Криминалистическая психология основана на статистике и теории вероятности, и Зои не хватало исходных данных.

Ей требовался эксперт по сектам. Вроде лейтенанта Эбби Маллен.

Она раздраженно напомнила себе, что Маллен вообще-то не большой эксперт по сектам, чем сама она – эксперт по Тейлор Свифт. Конечно, у Эбби имелся интерес к этой теме, но на самом-то деле она – переговорщик по освобождению заложников полиции Нью-Йорка и, насколько Зои знала, даже не изучала данный вопрос должным образом.

Наверняка у ФБР имелся настоящий эксперт. Поисками его Зои и решила в ближайшее время озадачиться.

---

¹³ Джеймс Уоррен «Джим» Джонс (1931–1978) – американский проповедник, основатель деструктивной секты «Храм народов», последователи которой по официальной версии совершили в 1978 г. массовое самоубийство; Дэниел Перес (р. 1959), известный также как Лу Кастро – американский убийца, насильник и педофил, основатель деструктивной секты, регулярно убивавший своих последователей, чтобы получать выплаты по их страховым полисам. В 2010 г. приговорен к двум пожизненным срокам.

Глава 8

Эмили любила вторники, потому что по вторникам папа всегда рано возвращался с работы, и мама водила их в парк, поскольку папа очень уставал на работе и нуждался в тишине. И Эмили знала, как вести себя тише воды ниже травы, потому что они с мамой часто играли в эту игру, когда папа смотрел телевизор, и Эмили всегда выигрывала, потому что вела себе еще тише мамы – тихо, как мышка. Но Рон был еще ребенком, и он не умел так играть, вот почему они пошли в парк.

Эмили хотела, чтобы перестал идти снег, потому что, когда было потеплее, мама разрешала ей покататься на карусели, и она все кружилась, и кружилась, и кружилась... Мама могла раскрутить ее очень быстро, и Эмили казалось, что у нее выросли крылья, а потом она стояла и смотрела на облака, а мир все продолжал вращаться. Норман из ее класса сказал ей, что мир и вправду постоянно вращается, но она чувствовала это только после карусели, и именно поэтому очень хотела, чтобы прекратился снегопад.

Но в этот вторник они даже не пошли в парк – пошли в церковь, хотя Эмили сказала маме, что хочет пойти в парк. Но мама пообещала ей потом леденец, и это было почти так же хорошо, как пойти в парк – а может, даже и еще лучше, если леденец окажется красным.

Там они встретили славного дядечку с серебристыми волосами. Они уже встречались с ним раньше, даже дважды. Звали его Моисей, но когда она сказала Норману из своего класса, что познакомилась с Моисеем, он сказал, что Моисей жил в какие-то незапамятные времена и, наверное, его даже выдумали, потому что все истории в Библии – это выдумка.

А потом Норман дернул ее за волосы, и она заплакала и пожаловалась учительнице.

Мама обрадовалась, увидев Моисея, и они посидели возле церкви, на скамейке. Мама разговаривала с Моисеем, а Рон гугукал в своей коляске. Эмили поиграла с Роном в «ку-ку», то прячась за коляской, то опять высовываясь обратно, и он радостно смеялся. А потом она увидела, как за дерево метнулась белка, и последовала за ней. Белка исчезла. Взобралась на дерево? Может, у нее там на дереве маленький домик с большой-пребольшой горой орехов? Эмили подождала, но белка так и не появилась, поэтому она вернулась к Рону и опять стала играть с ним в «ку-ку», и он смеялся до тех пор, пока соска не вывалилась у него изо рта на землю. И брат начал плакать. Эмили подобрала соску и хотела отдать ее Рону, но мама набросилась на нее и сказала, что соска грязная. Теперь Рон плакал еще пуще, потому что хотел соску, поэтому мама сказала, что пойдет вымоет соску и заберет Рона. Она хотела, чтобы Эмили пошла вместе с ней, но Эмили хотела остаться снаружи и подождать – вдруг опять появится белка, и Моисей сказал, что может присмотреть за ней пару минут. Маме это не понравилось, но в конце концов она согласилась и ушла с Роном.

Эмили хотела опять пойти к беличьему дереву, но Моисей позвал ее.

– Эмили, – сказал он. – Иди-ка сюда, присядь рядом со мной.

Эмили села рядом с ним.

– Твоя мама сейчас вернется, – сказал ей Моисей.

– Я знаю.

– Ты похожа на свою мать, ты знаешь это? – продолжал он.

Эмили посмотрела на Моисея. Ей пришлось прищуриться, потому что солнце было прямо у него над головой.

– Бабушка говорит, что я похожа на папу.

– Нет. – Моисей улыбнулся. – У тебя мамины глаза, и ты блондинка, как и твоя мама.

– Папа тоже блондин.

– В самом деле?

– Да.

– Но ты красивая, как твоя мать.

Эмили почувствовала, как от этих слов у нее защекоotalo в животе, как это иногда бывает от слов, и уставилась в снег под ногами.

– Знаешь, а мы ведь уже давным-давно знакомы с твоей мамой. Она-то этого не помнит, но это так.

– Правда? – Эмили наморщила личико и опять покосилась на Моисея. – Вы с ней дружили?

– Да. Мы были лучшими друзьями. А ты хочешь, чтобы мы с твоей мамой опять стали друзьями?

Эмили ненадолго задумалась.

– Да. Мама говорит, что друзья – это важно.

– Ну вот и отлично. Мы опять станем друзьями. И у тебя будет еще один братец или сестричка. Тебе бы этого хотелось?

Эмили не была готова сходу ответить.

– Как Рон? – спросила она.

– Нет. Они будут особенными. Они будут ангелами.

Эмили было трудно себе такое представить.

– С крыльями?

– Точно. У твоей мамы будет еще один ребенок. Ангел. С крыльями.

Может, ее новый младший брат возьмет ее с собой в полет... И ощущения будут такие же, как на карусели.

– Мне бы этого хотелось.

– Ну вот и славно.

Эмили посмотрела на небо.

– Когда я вырасту и буду такого же возраста, как мама, я тоже хочу маленьких ангелочков.

Моисей положил свою руку ей на ладошку и улыбнулся.

– Если вы с мамой пойдете со мной, мы сможем это устроить.

А потом вернулась мама с Роном. И Моисей рассказал маме, что Эмили хочет детишек-ангелочков, когда вырастет, а мама засмеялась, погладила ее по волосам и сказала, что у Эмили отлично развито воображение, и это было правдой, потому что Эмили умела придумывать всякие истории, а маме всегда нравилось их слушать. Моисей сказал что-то о мудрости детей, а остальное Эмили не дослушала, потому что опять заметила белку.

Глава 9

Вернувшись к своему письменному столу, Эбби глянула на часы и невольно застонала. Визит Карвера, каким бы замечательным и приятным он ни был, отнял у нее пару часов рабочего времени. Дети должны были вернуться домой в любую секунду, а у нее оставалась еще целая куча несделанных дел.

Перво-наперво она позвонила сестре Гретхен Вуд, надеясь, что девушка согласится поговорить с ней.

– Алло? – Тихий, хрупкий голосок.

– Привет, это Мейген?

– Да. А кто это?

– Меня зовут Эбби. – Маллен улыбнулась так, чтобы эту улыбку можно было услышать у нее в голосе. Улыбки могут иметь большое значение, даже если их никто не видит. – Одна подруга Гретхен сказала, что мне надо поговорить с тобой.

– Поговорить со мной о чем? – Голос Мейген утратил всякую мягкость. У Эбби сразу возникло предчувствие, что та уже разговаривала о Гретхен с целой кучей народу. И что совсем не рада опять поднимать эту тему.

– О твоей сестре.

– Послушайте, я не знаю, кто дал вам мой номер. Я не знаю, где Гретхен, ясно? Она даже не поговорила со мной перед уходом! И знаете что? Мне плевать, даже если она и вправду сожгла дом этого поганца дотла! Просто оставьте меня...

– Я не думаю, что это она сожгла тот дом, – быстро сказала Эбби, прежде чем Мейген успела повесить трубку.

– Да ну? Хм, тогда вы практически единственная, кто...

– Я не единственная. Ты ведь тоже не думаешь, что это ее рук дело.

Последовало короткое молчание.

– Да, не думаю, – наконец произнесла Мейген. – Хотя вообще-то неважно. Я не знаю, где она. И, по правде говоря, даже не уверена, что она этого не делала. Ей просто до ужаса этого хотелось.

– Хотелось? – переспросила Эбби.

– Все в Дугласе хотели смерти Йейтса.

– Похоже, Гретхен была не такой, как все. Как она относилась к Йейтсу?

– Я не знаю. В смысле, этот мужик ведь был педофилом, верно? – Голос Мейген дрожал. Тут явно что-то прослеживалось.

– Откуда Гретхен знала Йейтса?

– Она не... Послушайте, абсолютно все знали Йейтса. Он был тем мужиком-извращенцем, от которого нам всем советовали держаться подальше, ясно?

– Да, советовали держаться подальше, – эхом повторила Эбби.

– Вот именно. Вот и всё.

– И всё?

– Послушайте, вы вроде сказали, что, по-вашему, Гретхен этого не делала...

– Я и вправду думаю, что Гретхен этого не делала, – подтвердила Эбби. – Но еще я думаю, что она знала Йейтса.

– Не напомниме, кто вы такая? Вы, типа... репортер или что-то в этом роде?

– Я из департамента полиции Нью-Йорка, – ответила Эбби, надеясь, что Мейген не бросит трубку.

– Нью-Йорка? – Та явно недоумевала. – Тогда почему вы пытаетесь найти Гретхен?

– Я уверена, что Гретхен попала в беду. Она связалась с кое-какими плохими людьми. И я хочу найти ее до того, как она пострадает.

– Послушайте, мне и вправду жаль, но я не знаю, где сейчас Гретхен. Если она позвонит мне или что-то типа того, то я...

– Не против, если я сходу попробую угадать? – спросила Эбби. – И если я ошибаюсь, то с Гретхен, скорее всего, всё в порядке и тебе не о чем волноваться.

– Ладно... – Мейген явно напряглась. Она, несомненно, уже довольно давно ждала хоть какой-то развязки, пусть даже и неблагоприятной. С тех самых пор, как ушла Гретхен. Ей нужно было расставить все по местам.

– Некоторое время назад Гретхен начала меняться. Вроде как была чем-то взволнована, но никому не говорила, в чем дело. По крайней мере, поначалу. Даже уезжала на несколько дней. На какого-то рода тренинг или в молодежный лагерь.

– На семинар, – дрожащим голосом поправила Мейген. – Она попросила меня не говорить об этом папе с мамой.

– Точно. И после того семинара ты ее как будто не узнала. Она стала какой-то не такой, как всегда.

– Угу, – глухо подтвердила Мейген. – Она присоединилась к этой христианской группе. Они управляли молодежным лагерьем, в который ее отправили мама с папой. Гретхен даже хотела, чтобы я сходила на одно из богослужений этой группы.

Эбби крепче сжала телефонную трубку.

– И ты пошла?

– Да. Они меня сразу насторожили. Этот их проповедник больно уж пыжился – как будто он, типа, пуп земли. А после службы они и меня пытались заманить на один из их семинаров, так и эдак подкатывали. Но кое-кто из остальных считал, что всё супер. В смысле, Гретхен была в полном восторге. И еще несколько человек. Этот проповедник предлагал ежемесячную программу пожертвований, и я видела, как какие-то люди это с ним обсуждали. Хотя просто не пойму, за что платить такому типу?

– И ты высказала Гретхен свое мнение?

– Да.

– Как она это восприняла? – спросила Эбби, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Она совершенно взбесилась. Орала на меня чуть ли не час. А потом и вовсе перестала со мной разговаривать.

– И давно это было?

– Вообще-то точно не помню... Недели три назад, где-то так.

Итак, за две недели до поджога.

Мейген фыркнула.

– Послушайте, мне и вправду нужно идти. Я могу поговорить чуть позже, хорошо?

– Подожди, – сказала Эбби. – Тот проповедник... Как он выглядел?

– Ну не знаю... Старый. В очках.

– Можно прислать тебе фотку? Посмотрим, сможешь ли ты его узнать, – продолжала Эбби.

– Да, конечно. Я вам позже перезвоню, хорошо?

– Да. Спасибо тебе, Мейген. – Повесив трубку, Эбби откинулась на спинку кресла.

Девушка явно что-то утаивала. Эбби была почти уверена, что Гретхен Вуд все-таки знала Йейтса. Полиция Дугласа была права? Не пытался ли Йейтс растлить Гретхен, когда она была младше? Или дело в чем-то совсем другом? Поводив пальцем по экрану своего мобильного, Эбби нашла размытое изображение Моисея Уилкокса. Он позвонил ей по видеосвязи несколько недель назад, чтобы поговорить. И сообщить, что он – ее отец, который хотел бы

увидеться со своими внуками. Она тогда настоятельно посоветовала ему держаться от них подальше.

Эбби отправила Мейген скриншот, сделанный во время того видеозвонка. Затем почесала ногу – что-то щекотало ее лодыжку. Пальцы за что-то задели. За какое-то существо, которое быстро ускользнуло.

В прошлом Эбби доводилось противостоять вооруженным террористам, спастись от ужасного пожара, вызволять свою дочь из заложников... У нее были стальные нервы, и она это знала. Но почему-то, несмотря ни на что, ее рефлекторная реакция на нечто ползущее по ней оказалась не особо героической.

– Ой! – взвизгнула Эбби, поспешно смахивая эту тварь. Ошеломленный, сбитый с толку сверчок свалился на пол. Замер и зашевелил усиками, пытаясь придумать, куда бы лучше удрать. Несколько секунд они тарасились друг на друга в напряженном противостоянии.

Должно быть, она выронила его в какой-то момент, когда поспешно кормила Табиту. Это произошло, когда...

В комнату юркнул второй сверчок. И тут на Эбби волной нахлынуло осознание допущенной ошибки. Она очень спешила. А потом ее прервал телефонный звонок, и... и...

Она. Забыла. Закрыть. Виварий.

Установив новый рекорд скорости дома Малленов, Эбби вбежала в комнату Бена и в ужас уставилась на открытое нараспашку и совершенно пустое обиталище насекомых. Сверчки, обрадованные вновь обретенной свободой, носились взад и вперед по полу, стенам, мебели. Сколько их тут? Бен недавно купил новую партию – виварий был переполнен. Она оглядела коридор и заметила еще нескольких, разгуливающих по полу.

– Не-е-е-ет... – Помимо воли у нее вырвался гортанный стон. Это была полная катастрофа. Единственным слабым утешением было то, что это сверчки, а не...

А где же Джиперс? Может, он спрятался в своей искусственной норке?

Эбби присмотрелась. В норке Джиперса не было. И его виварий тоже был открыт.

Где-то в этом доме притаился здоровенный волосатый тарантул. И что еще хуже, если она его не найдет, с Беном случится эпический нервный припадок.

Вывел ее из шока отрывистый лай. Киблс гналась за одним из сверчков через всю прихожую, возбужденно виляя розово-фиолетовым хвостом.

Джиперс... Надо срочно найти Джиперса. Эбби заглянула под кровать, под стол, покопалась в одеялах, приподняла простыню. Попыталась поймать нескольких сверчков, которые пронеслись мимо нее, но они оказались слишком быстрыми, и у нее уже не было времени. Приоритетом номер один был сейчас этот восьминогий кошмар.

Безумный лай привел ее на кухню, где Киблс прекратила свою погоню за сверчками, сосредоточившись на новой цели. Джиперс, явно обозленный и готовый к драке, скорчился у холодильника. Киблс звонко тьякала на него, прыгая влево-вправо и едва не обезумев от возбуждения.

– Киблс, цыц! – прикрикнула на нее Эбби.

Та коротко глянула в ее сторону и продолжила облаивать паука. Паук угрожающе поднял передние лапы, демонстрируя пурпурнохвостой собаке свои внушительные клыки. Киблс отпрянула назад, не переставая тьякать.

– А ну-ка проваливай! – прикрикнула на собаку Эбби.

Киблс, обиженно пыхтя, потрусила прочь, возобновив охоту за сверчками.

– Ладненько, Джиперс... – произнесла Эбби, подхватывая со стойки кофейную кружку. – Давай-ка залезем в эту уютную, симпатичную кружечку!

Опустившись на колени, она попыталась накрыть ею Джиперса. Тот моментально юркнул под холодильник.

– О боже... – застонала Эбби. Прислонилась щекой к полу. Паук уставился на нее из-под холодильника, явно преисполненный злых намерений. И что теперь? Выковырять его оттуда ручкой от швабры? Нет, Джиперс может при этом пострадать...

Как же выманить оттуда паука?

– Ну же, Джиперс... Кис-кис-кис!

Нет, это явно предназначено для кошек... Джиперс вроде как еще глубже отступил в свое новое логово.

– Ну давай же, Джиперс! Бен просто взбесится. Ты ведь помнишь Бена, верно?

Джиперс, похоже, обдумывал ее слова. Эбби затаила дыхание. Она не раз уговаривала людей сдаться, слезть с высокой крыши, сложить оружие. Получится ли у нее уболтать паука выбраться из-под холодильника?

– По-моему, ты опасаясь, что я могу причинить тебе вред, – проворковала она. – Но зачем мне это делать? Это только расстроит Бена. Как я могу помочь тебе выбраться из-под холодильника? Не хочешь сверчков? У меня тут есть несколько вкусных сверчков...

Эбби отошла от холодильника, предоставляя пауку немного личного пространства. Наверное, все-таки не следовало самой предлагать сверчков. Надо было позволить Джиперсу думать, что вылезти из укрытия, дабы полакомиться сверчками, – это его собственная идея.

Но ее промах остался незамеченным. Джиперс опасливо выбрался из-под холодильника. Эбби подумывала о том, чтобы опять попробовать кружку, но что, если паук пойдет на попятный? Нет, оставался только один способ.

Она быстро схватила мохнатую тварь прямо рукой, изо всех сил стараясь не раздавить ее, и быстро положила на раскрытую ладонь другой руки. Дьявольские когти Джиперса вцепились ей в кожу. Она медленно встала. О боже, так и отдать концы недолго! Но Эбби не стала стряхивать его с руки. Поскольку иногда материнская любовь настолько сильна, что способна даже пересилить желание в истерике швырнуть волосатого паука в стену.

Отнеся Джиперса обратно в комнату Бена, она сбросила его в виварий. Тщательно убедилась, что тот надежно закрыт. Сердце все еще бешено колотилось в груди.

– Мама? – послышался от двери голос Саманты.

Эбби прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и пошла встречать своих детей. Пронзительный крик дал ей понять, что сверчков они уже увидели.

За спинами Сэм и Бена в дверях стоял Стив. Рот у него был разинут. При виде нескольких сверчков, снующих по стене, Саманта с отвращением отшатнулась. Киблс с лаем вырвалась из гостиной, преследуя еще одну стайку сверчков. Бен уставился на мать с явным замешательством на лице.

– Что тут, черт возьми, произошло? – спросил Стив.

– Сверчки выбрались наружу, – объяснила Эбби.

– Ну а Кренделек, Джиперс и Табита? – поинтересовался Бен высоким голосом.

– С ними всё в порядке, – заверила его Эбби. Один из сверчков прошелся по ее туфле.

Она сбросила его с таким видом, будто в этом не было абсолютно ничего особенного.

Стив внимательно оглядел комнату.

– Это... это просто-таки какая-то библейская сцена.

– Спасибо тебе, Стив. Это очень полезная информация.

– Тебе придется вызвать дезинсектора.

– Нет! – выкрикнул Бен.

– Нет нужды, – любезно ответила Эбби. – Мы сами их переловим. Будет чем вечером заняться, правда, дети?

Сэм заморгала, после чего перевела взгляд на отца.

– Забрось меня, пожалуйста, к Фионе. Я буду ждать в машине.

Решительно развернувшись, она направилась к двери, так и не сняв сумку с плеча.

Бен наклонился и подобрал с пола сверчка. Затем, ползая по полу, подхватил еще одного.
– Они что, все до одного сбежали? – осведомился Стив. – Как же это произошло?

В его тоне проглядывало сразу несколько слоев. Наверное, всё, что услышал Бен, – это слова, сказанные его отцом, и сквозящую в них чистую озабоченность. Но Эбби была приучена подмечать то, что видишь лишь после того, как проведешь с кем-то долгие годы. Он так подчеркнул слова «все до единого», словно ее ошибка была не просто случайным промахом, а колоссальным тактическим просчетом. И этот вопрос: «Как же это произошло?», пронизанный таким недоверчивым изумлением, как будто в мире, где обитал Стив, подобное было просто физически невозможно...

Стив был единственным человеком на земле, который мог довести Эбби до убийственной ярости. И мог сделать это, сказав что-нибудь совершенно безобидное. Например, «привет».

– Я не закрыла виварий как следует, – коротко объяснила Эбби, стараясь держать себя в узде. – Спасибо, что привез детей, я и вправду ценю...

– Они что, во всех комнатах? – Стив сделал шаг в прихожую.

Эбби с ужасом поняла, что он собирается пройти по дому и осмотреть его. И, помимо всего прочего, зайдет в спальню со все еще смятыми простынями, где ее трусики и лифчик разбросаны по углам и где до сих пор витают ароматы их с Карвером времяпрепровождения...

– Да, Стив, они тут повсюду. – Она встала у него на пути, едва удержавшись, чтобы не пихнуть его в грудь. – Я и сама справлюсь.

Где-то на заднем плане Киблс, бросившись за очередным сверчком, повалила стул и радостно залаяла. Бен побежал за ней, криком призывая остановиться.

– Ла-а-а-адно... – произнес Стив. Ну как можно до такой степени растянуть одно-единственное слово и вложить в него столько смысла? Эбби подозревала, что сегодня подняла ему настроение. – Тогда я пошел. Дай знать, если тебе понадобится какая-нибудь помощь.

Когда он наконец удалился, Эбби закрыла дверь и повернулась, готовая оценить масштаб разрушений в порядке разгромленном доме.

В этот момент у нее в кармане зажужжал телефон. Она достала его и уставилась на текст на экране. Ей потребовалась пара секунд, чтобы переключить внимание и понять, что там написано. Сообщение было от Мейген. Оно гласило: «Да, это точно он».

Глава 10

Моисей нервно ерзал на своем месте, слушая, как Роуз докладывает о финансовом состоянии секты. Как и всегда, когда она на чем-то сосредотачивалась, ее пальцы машинально играли с подвеской в виде креста. Прядь ее длинных рыжих волос выбилась из конского хвоста и свисала на щеку, пока она зачитывала отчет.

Моисей устроился в большом мягком кресле, в отличие от своего близкого круга последователей, которые все расположились на деревянных табуретках. Хотя опять-таки: почти ни у кого из них не было за плечами хотя бы половины прожитых им лет. И никого из них не терзал этот нескончаемый назойливый зуд где-то внутри.

Подобно пророкам прошлого, Моисей знал, что Бог отнюдь не стремится облегчить ему жизнь. Нет, к этому моменту необходимость действовать была подобна дорожке муравьев, ползущей у него вдоль позвоночника. Тело было словно зажато в этом кресле, в этой крошечной комнатке. Он жаждал освобождения, которое пришло бы с пламенем, криками и теплом женщины под ним.

– Семья Нельсонов из Вашингтон-Луп увеличила свои ежемесячные пожертвования на молодежный приют до ста долларов в месяц, и оба подтвердили, что примут участие в нашем трехдневном семинаре за полную стоимость, каковая составляет...

– Хорошо, – резко оборвал ее Моисей. – Спасибо.

Глаза всех присутствующих удивленно распахнулись. Удивляться было чему – обычно их пастырь настаивал на том, чтобы ему докладывали всё до мельчайших подробностей. Было очень важно поддерживать контроль над бухгалтерским учетом группы. Но они просто не сознавали, чего ему это стоило... Он сжал кулаки, и в голове у него молнией промелькнула вереница образов. Роуз, обнаженная, извивается на полу, вокруг них бушует пламя, прядь ее рыжих волос зажата у него в кулаке... Моисей закрыл глаза, чтобы прогнать эти яркие картины.

– Кстати, хорошо, что напомнила, – продолжил он. – Что касается трехдневного семинара, то я пригласил еще одну участницу. Дилайлу Экерт. Это моя гостья. В какой-либо оплате нет необходимости. И она, вероятно, приедет с двумя детьми. С малолетней дочкой и сыном младенческого возраста.

Хотелось рассказать им остальное. Что она особенная. Что она – дар Божий. Что чудесным образом воскресло его прошлое. Но у него пока не находилось слов, чтобы это выразить, хотя нехватка слов была для него чем-то необычным. Это могло означать лишь одно: Бог хотел, чтобы он пока хранил молчание.

Анна неуверенно кашлянула.

– Я не уверена, что мы сможем разместить младенца. И эта девочка может заскучать. Семинар будет долгим...

Моисей пристально смотрел на нее, пока слова не замерли у нее на устах.

– Наша община славна своими великими деяниями, – медленно произнес он, после чего возвысил голос. – Ты хочешь сказать, что мы не справимся с младенцем и маленькой девочкой?

– Нет, Отец, – кротко ответила Анна.

– Я хочу, чтобы как раз ты занималась этими детьми на протяжении всего семинара. Приследила, чтобы девочка была абсолютно всем довольна. И чтобы младенец никому не мешал.

Лицо у Анны вспыхнуло. Предполагалось, что на семинаре она будет руководить дискуссиями и общими молитвами. Моисею было хорошо видно, что сейчас она пытается понять, как увязать это с дополнительной ответственностью по уходу за двумя малолетними детьми.

– Остальные твои обязанности может взять на себя Роуз, – добавил он.

Анна кивнула, опустив голову.

– Спасибо, Отец, – произнесла она голосом, полным слез.

– Дилайла – потерянная душа, – объявил Моисей, обводя внимательным взглядом мужчин и женщин в комнате. – Но я все-таки углядел в ней чистоту. И мы можем открыть ей глаза на истину. Мне нужно, чтобы вы постоянно находились рядом с ней. Чтобы омыли ее своей любовью. Я хочу, чтобы она ощутила себя самым потрясающим человеком среди вас. Окружите ее заботой. Напитайте ее душу. Заставьте ее почувствовать себя своей.

Моисей увидел понимание в нацеленных на него взглядах. Все это им уже приходилось не раз проделывать.

* * *

Дилайла была просто рада выбраться из дома. Брэд отправился в одну из своих длительных рабочих поездок, и вроде оставалось лишь ликовать по этому поводу. Но после многочисленных подобных случаев она прекрасно понимала, чего он ожидает от нее по возвращении. Жена должна воспользоваться его отсутствием, чтобы навести стерильную чистоту в доме, а не по-быстрому пройти по нему шваброй. Вернувшись, он проинспектирует результат. Все должно буквально сиять, иначе...

Иначе – «Ты за это заплатишь».

Так что, когда Брэд уехал, в доме повисло что-то почти зловещее. В каждом предмете мебели таилась пыль или крошечные обрывки паутины. В каждой трещине пола скопилась грязь. Дилайла намеревалась провести за уборкой все выходные, хотя правая рука у нее оставалась опухшей и сильно болела.

Но по крайней мере нынешним вечером можно было куда-нибудь пойти, кое с кем повстречаться – сделать вид, будто ее жизнь представляет собой нечто совершенно другое.

Отец Уильямс – или, как по его настоянию она его теперь называла, Моисей, – предложил ей приехать на все выходные, на какой-то семинар. Дилайла вежливо отказалась. Но все-таки согласилась заглянуть на денек – познакомиться с людьми, поговорить. Тем более что можно было взять с собой детей.

Семинар проходил на какой-то ферме за городом, которую, как объяснил Моисей, они превратили в приют для проблемной молодежи. Дилайла вроде как что-то слышала об этом учреждении, работавшем уже пару лет. Ей пришлось вызвать «Убер», чтобы добраться туда.

И вот теперь, войдя внутрь, она с удивлением увидела, насколько там мило. Главный зал, залитый теплым светом, был переполнен людьми, которые, собравшись небольшими группами, о чем-то негромко беседовали между собой с пластиковыми стаканчиками в руках. На заднем плане играла тихая музыка. Куда ни глянь – повсюду улыбки и даже смех. Эмили прижалась к ней, прячась у нее за ногой.

– Дилайла, а вот и ты! – Моисей подошел к ней. Несколько мужчин и женщин последовали за ним – все не старше тридцати, как и она сама. – Народ, знакомьтесь – это Дилайла! А это ее детки, Эмили и Рон.

– Ой, какие славные! – воскликнула одна из женщин, улыбнувшись Дилайле. – Маленькая Эмили так похожа на тебя! Просто чудо!

– Вообще-то она похожа на своего отца, – отозвалась Дилайла, слегка покраснев.

– Да ладно! У нее твои глаза и твои прекрасные золотистые волосы. И только посмотрите на этого парня! Можно поддержать его на минутку? – Не дожидаясь ответа, женщина протянула руки.

Дилайла колебалась, но все радостно улыбались ей, и ей не хотелось показаться невежливой. Она осторожно передала Рона этой женщине, которая тут же прижала его к себе и принялась умильно ворковать:

– Он такой милый... Только посмотрите на эту улыбку! Эй, Рон, эй, малыш! Я Анна. Ты можешь сказать «Анна»?

Кто-то протянул Дилайле бумажный стаканчик с пуншем. Она отпила из него, наслаждаясь сладким вкусом.

– Дилайла, у тебя просто замечательная блузка! – воскликнула другая женщина. – Где ты ее купила?

Дилайла посмотрела на свою блузку – воспоминания о давно минувших днях.

– В интернете нашла, – ответила она. – Но я переделала рукава, видите? Добавила кружевные вставки.

– Ого, просто обалденно! – восхитилась женщина, нежно дотрагиваясь до кружев. – Я даже не вижу швов. У тебя настоящий талант. И часто ты переделываешь свою одежду?

– Раньше да, – смущенно произнесла Дилайла. – А в последнее время не особо.

– О, а зря! Просто фантастическая работа!

К этому моменту ее окружили уже три женщины, восхищаясь ее мастерством, и кто-то спросил у нее совета, как перешить брюки. Дилайла позволила себе продолжать разговор, впервые за долгое время почувствовав, что расслабляется. Она даже уже почти не чувствовала боли в пальцах. Когда ей улыбнулся какой-то молодой человек, на миг ее охватила паника, но Дилайла напомнила себе, что Брэда поблизости нет.

Женщина, которую звали Роуз, привлекла всеобщее внимание, поблагодарив всех за то, что пришли. К этому моменту у Дилайлы уже голова шла кругом, переполненная новыми впечатлениями, и она поняла, что Эмили больше не цепляется за ее ногу. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы найти дочку, сидящую в углу комнаты с той женщиной, Анной, – обе рисовали мелками на большом листе бумаги. Дилайла улыбнулась Анне, которая улыбнулась в ответ и помахала ей рукой. Было приятно видеть, что эта женщина так любит детей. Рон уже крепко спал в своей коляске, и Дилайла смогла сосредоточиться на семинаре.

Роуз стала рассказывать про какой-то стих из Библии.

– Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть¹⁴.

Она немного поговорила об этом испытании и объяснила, что это значит. Выходило нечто вроде суда. Дилайла не совсем поняла, к чему клонит эта женщина. Ее анализ этого стиха представлялся одновременно и слишком буквальным, и чересчур уж замысловатым. Но при виде того, как все внимают в восхищенном молчании, время от времени согласно кивая, она заставила себя внимательно слушать, стараясь быть непредубежденной.

Шли минуты и часы. Эмили заснула, и Анна отнесла ее на кушетку. Дилайле уже хотелось домой – было и вправду поздно. Но каждый раз, когда Роуз объявляла перерыв, Дилайлу сразу окружали со всех сторон – заговаривали с ней, спрашивали, что она думает об услышанном. И когда она отвечала, заикаясь от смущения, все ее внимательно слушали. Опять задавали вопросы. Вступали с ней в дискуссию.

Когда Дилайла наконец посмотрела на часы, было уже два ночи.

– Мне и вправду пора домой, – ошеломленно объявила она Роуз.

– Почему? – Та нахмурилась, явно недоумевая.

– Уже очень поздно.

– Но... завтра ведь семинар продолжится! Ты можешь поспать здесь. У нас найдется кровать и для тебя, и для детей.

– Я не могу! Я... Эмили завтра в школу. И... и...

Роуз коснулась ее руки.

– Пожалуйста, останься, – умоляюще произнесла она. – Завтра очень важный день! Завтра будет выступать Отец – ты обязательно должна его услышать. А потом, во второй половине дня, мы можем отвезти тебя обратно домой.

---

¹⁴ 1Кор. 3:13.

Дилайла даже не знала, что и сказать. Она все равно не смогла бы прямо сейчас вызвать «Убер», даже если б попыталась.

– Хорошо, спасибо, – наконец смущенно ответила она.

И Роуз вроде как настолько обрадовал этот ответ, что Дилайла почувствовала, как по всему телу разливается странное приятное тепло.

* * *

Выступая на второй день семинара, Моисей внимательно наблюдал за Дилайлой. Она постоянно ерзала на своем месте и дважды зевнула. А один раз он заметил, как она тайком проверяет время на своем телефоне, и сделал себе мысленную заметку приказать Роуз забрать телефоны у всех участников, чтобы они не отвлекались. В какой-то момент, когда ее младенец расплакался, Дилайла встала, чтобы обнять его – прямо во время выступления Роуз. И, что еще хуже, вытерла ребенку сопли скомканной салфеткой. После чего засунула пропитанную микробами бумажку в карман и не пошла мыть руки. Моисей мог представить, как микробы копошатся у нее на руках, ползают повсюду, распространяя болезни... Придется преподать ей урок.

Тем не менее у него не было никаких задних мыслей или сомнений. Едва только Моисей увидел ее, то словно сбросил с плеч сразу сорок прожитых лет. Это был воистину дар Божий.

Он хотел видеть ее в своей общине.

Когда Моисей говорил о Божьем гневе и ревностности, глаза его помимо воли то и дело метались к ней, обводя соблазнительные изгибы тела, а разум наводняли томительные образы. Кормит ли она все еще грудью? Пожалуй, стоит попросить кого-то из женщин аккуратно это выяснить...

Естественно, глаза у нее были красные и припухшие. Вчера они закончили уже глубокой ночью, и он проследил за тем, чтобы участников семинара разбудили ровно в половине шестого утра. На столь коротком семинаре слишком многое предстояло охватить, и Моисей давно усвоил, что усталость делает людские умы более открытыми для Божьей мудрости.

Закончив свое выступление, он отошел в сторонку и стал наблюдать, как люди уходят на обеденный перерыв. Мириам и та новая девушка, Гретхен, обе шли рядом с Дилайлой, оживленно беседуя с ней. Они сопровождали ее к буфету, не отходя от нее ни на шаг. Его паства знала, что очень важно не дать гостям заскучать, постоянно развлекать их. Моисей не хотел, чтобы новым участникам его семинаров было одиноко.

И не хотел, чтобы у них было время подумать собственной головой.

* * *

– ...И, как уже справедливо заметил Отец, этот стих из книги пророка Наума является в Библии прямым наставлением касательно второго крещения, – говорила стоящая перед ними женщина.

Дилайла нахмурилась, глядя на нее. Как там ее зовут? Мириам? Все было как в тумане. Прошлой ночью она выпила гораздо больше, чем привыкла, и почти не спала. Ей потребовалась вся ее сила воли, чтобы во время речи Моисея не клевать носом. Поняла она ее лишь фрагментарно. В основном в той части, о которой он упоминал при ней ранее, когда они общались с глазу на глаз в церкви. Части о каре Божьей. О воздаянии.

От этих постоянных упоминаний о Божьей ревностности и воздаянии ей было малость не по себе. Это полностью противоречило всему, что Дилайла знала о Божьем прощении и любви. Но Моисей все-таки не раз отметил, что Бог любит всех, а гнев и воздаяние – это лишь

одна из сторон этой любви... Она попыталась привести в порядок собственные мысли, но они упорно рассыпались – развеивались, как дым на ветру.

– Где Рон? – вдруг спросила Дилайла, внезапно запаниковав. Во время выступления Мои-сея тот лежал в своей коляске рядом с ней, а вот теперь...

– Он там, с Анной, – успокоила ее Мириам. – Видишь? Анна и вправду хорошо ладит с детьми.

Дилайла убедилась, что та права. Рон устроился на руках у Анны, радостно подгукуивая Эмили, которая пела для Анны какую-то песенку. На какую-то безумную секунду Дилайле захотелось броситься туда, вырвать Рона из рук этой женщины, схватить в охапку Эмили и убежать без оглядки. Но это было бы некрасиво, не говоря о том, что совершенно несправедливо. Анна явно обожала ее детей, и они в самом деле хорошо ладили друг с другом.

– Я отлично провела время, – сказала Дилайла. – Думаю, что после обеда мы поедem домой.

– Что? Нет, ты должна остаться! – запротестовала Гретхен.

– Завтра мы наконец поговорим о втором крещении, – добавила Мириам. – Если ты не останешься и не послушаешь, все остальное не будет иметь смысла.

– А что это за второе крещение? – полюбопытствовала Дилайла.

– Отец объясняет это лучше всех, – сказала Мириам. – Тебе и вправду стоит остаться еще и на завтра.

– Я не могу, – ответила Дилайла. – У нас с собой ни одежды, ни...

– Потом мы можем свозить тебя домой за вещами, – перебила ее Гретхен. – Вообще не вопрос.

– Мне и в самом деле жаль, но...

– Я тоже поеду, – добавила Мириам. – Помогу тебе собрать вещи, если хочешь. Я очень хочу, чтобы ты послушала речь Отца о втором крещении!

Дилайла продолжала возражать – ей никак нельзя здесь остаться. Детям нужна ванна, и их кровати, и... и... Да и в доме нужно прибраться... В понедельник вернется Брэд...

«Ты за это заплатишь...»

Но они продолжали настаивать, и теперь всё больше людей уверяли ее, что она просто обязана остаться еще на один день. И все ее аргументы рассыпались в прах – она была уже вконец измотана, а они так настойчивы и полны энтузиазма...

И так счастливы... Дилайла постоянно подмечала, как они улыбаются друг другу. И как улыбаются ей самой. Она им и вправду была небезразлична. Она им нравилась.

Дилайле стало стыдно за то, что не отнеслась к лекциям и дискуссиям более серьезно. В конце концов, все эти люди были и вправду искренне захвачены всем, о чем говорили. А вот она явно не уделяла этому достаточно внимания. Вполне ведь можно остаться еще ненадолго – может, на одно выступление, и на сей раз уже по-настоящему слушать. В школе Дилайла была отличницей. Ученицей, чьи прописи остальные дети всегда просили скопировать. Раньше у нее был прекрасный почерк, округлый и элегантный. А здесь она даже ни разу не открыла бесплатный блокнот, который ей вручили.

Все было так, будто она очень долго жила в темноте, и теперь перед ней проглянул проблеск далекого света. Может, если послушать про это второе крещение... побыть с этими людьми подольше... А навести чистоту в доме можно и завтра – пусть даже и придется проводить всю ночь, прежде чем Брэд вернется домой...

Дилайла не помнила, когда наконец решила остаться, но в какой-то момент это все-таки произошло.

* * *

Обращаясь к собравшимся, Моисей расхаживал по комнате. В горле у него пересохло. Хотелось присесть и немного отдохнуть.

Вещал он уже три с половиной часа.

Это был заключительный день семинара – обсуждение темы второго крещения. Двое из гостей к этому времени уже уехали, измотанные бесконечными религиозными диспутами. Моисея это ничуть не волновало – за участие-то они заплатили. Вообще-то сейчас ему было совершенно начхать и на большинство своих последователей, которые, затаив дыхание, внимали ему. Конечно, он хотел, чтобы они слушали, желал укрепить их дух, напомнить им об их священной миссии... Но на самом-то деле обращался он в основном лишь к одному из своих слушателей. Вернее, слушательнице. К Дилайле Экерт.

Теперь Моисей знал о ней гораздо больше, получив подробные отчеты от своих последовательниц. Мириам и Гретхен снабдили его длинным списком тем, которые они с ней обсуждали. Анна передала ему все, что дочь Дилайлы рассказала ей о своих родителях. Роуз, которая на время лекций забирала телефон Дилайлы, предоставила ему подробный отчет о переписках госты по электронной почте и в мессенджерах, истории онлайн-поиска и телефонных звонков. Вероятно, теперь он знал о Дилайле даже больше, чем она сама.

– «Служите Господу, Богу вашему, и Он благословит хлеб твой и воду твою», – произнес Моисей, стараясь, чтобы это прозвучало размеренно и неторопливо. – «И отвращу от вас болезни. Не будет преждевременно рождающих и бесплодных в земле твоей; число дней твоих сделаю полным»¹⁵.

Два года назад у Дилайлы случился выкидыш, и это до сих пор тяжелым камнем лежало у нее на сердце. Он намеренно добавил в свою проповедь цитату о преждевременно рождающих и родах, равно как и не забыл затронуть темы ответственности матерей перед своими детьми и порочности мужчин, помыкающих своими женами.

В бесконечную проповедь, сотканную для того, чтобы соблазнить одну-единственную женщину... На самом деле не имело значения, что именно он говорил, но все эти слова прозвучали в его речи. Преждевременные роды, жестокое обращение, порочные мужья, страх, защита, дети, духовная общность, забота... То, чего она жаждала, и то, что хотела оставить позади.

Вообще-то Моисей никогда не испытывал трудностей с подобными выступлениями. У него была почти фотографическая память, и он мог с легкостью зачитывать наизусть целые главы из Библии. И с такой же легкостью предлагать слушателям свое собственное их видение и интерпретацию. Опыт подсказывал ему, насколько это благодатная почва – измученная от хронического недосыпа аудитория, убаюканная длинной проповедью. Людские сердца в этом случае куда более доступны и открыты мудрости.

Моисей вновь пересек комнату, остановился посередине и повернулся к своим слушателям, продолжая цитировать книгу Исхода. Глаза у Дилайлы остекленели, блокнот у нее на коленях был открыт, но ручка безвольно лежала в пальцах. Она ничего не записывала уже больше двадцати минут. Казалось, почти впала в транс.

Это было как раз то, чего он ждал.

Моисей повысил голос, оставив свой медленный размеренный тон, и громко провозгласил:

---

¹⁵ Исх. 23:25–26.

– И Библия подсказывает нам, как следует поступать с этими нечестивыми людьми! В Евангелии от Матфея говорится: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»¹⁶!

* * *

Сидя в зале, Дилайла смотрела на мир словно сквозь густую дымку.

Она пыталась слушать – и вправду пыталась. И проповедь Моисея заинтересовала ее. У него много чего нашлось сказать о том, что ее волновало. О том, чего ей самой хотелось. О чем она никогда ни с кем не говорила. Эта речь буквально загипнотизировала ее. В течение первого часа Дилайла лихорадочно строчила в своем блокноте, заполняя страницу за страницей.

Но потом навалилась усталость. Прошлой ночью они тоже легли спать очень поздно и опять встали в половине шестого. Дилайла надеялась на перерыв, однако Моисей продолжал говорить, и все в благоговейной тишине внимали. Поэтому она тоже заставила себя слушать дальше, но слова накладывались друг на друга, сливаясь воедино и образуя какой-то странный, успокаивающий туман. Вскоре ее разум очистился от мыслей о затекших от долгого сидения руках и ногах, усталости и тревоги по поводу того, что завтра должен вернуться Брэд.

Казалось, что впервые за долгие годы Дилайла полностью расслабилась. Она была окружена людьми, которые обожали ее и ее детей.

В комнате было тепло, и ее распухшие пальцы не болели, хоть она и конспектировала без остановки. Дилайла почти парила в воздухе.

И тут вдруг что-то проникло сквозь окутавшую ее дымку. Страстный, вдохновенный голос. Это был Моисей.

– Он будет крестить вас Святым Духом и огнем! – Моисей воздел вверх руки, глаза его сверкали.

Люди вокруг нее подались вперед, выкрикивая:

– Аминь!

Сердце Дилайлы бешено заколотилось от возбуждения. Дыхание у нее участилось, кожу покалывало.

– «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым»¹⁷!

– Аминь!

Некоторые теперь стояли, тоже воздев руки к потолку. Дилайла встала, даже не заметив этого, как будто некая могучая сила неодолимо тянула ее вверх.

– «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»¹⁸!

– Аминь!

Дилайла теперь кричала вместе с остальными. Слезы текли у нее по щекам. Многие другие тоже плакали.

– Говорят, – выкрикнул Моисей, – что Господь помогает тем, кто помогает себе сам! Но что, если Господу потребно наказать нечестивых? Неужели он наказывает лишь тех, кто наказывает себя сам?

– Нет! – взревела в ответ толпа.

– Кто вершит возмездие Божье?

– Люди!

– Кто исполняет его повеление о втором крещении – крещении Святым Духом и огнем?

---

¹⁶ Мф. 3:11.

¹⁷ Мф. 3:12.

¹⁸ Мф. 7:19.

– Мы!

– Мы! – восторженно повторила вслед за всеми Дилайла, ощутив прилив эйфории и любви ко всем тем, кто ее окружал, – и к этому прекрасному человеку, который нашел ее.

Глава 11

– Странно опять оказаться здесь, – заметил Карвер.

Эбби кивнула. Школа Саманты – средняя школа имени Христофора Колумба – все еще не оправилась от вооруженной осады, которой подверглась месяцем ранее. Здесь уже удалось навести относительный порядок, заменив сломанные двери и кое-где нанеся свежий слой краски. Но библиотека все еще ремонтировалась после пожара. На входе стояла новехонькая рамка металлодетектора, а во внутренних помещениях установили дополнительные камеры наблюдения.

Эбби видела эту школу каждое утро, забрасывая сюда Сэм по дороге на работу, но Карвер с того ужасного дня так здесь ни разу и не побывал. У него осталась своя доля воспоминаний с той поры – равно как и пара шрамов, не позволяющих окончательно выбросить их из головы.

Вместе с учениками и их родителями они прошли школьными коридорами к актовому залу. Перед дверью его стоял стол с большой обрамленной в рамку фотографией Карлоса Рамиреса – учителя, погибшего во время захвата заложников. Стол был завален цветами, фотографиями и записочками. Эбби остановилась перед ним, жалея, что не догадалась принести цветы. Она сделала все, что могла, чтобы вытащить Рамиреса живым, но иногда по ночам ее все еще преследовали вопросы вроде «а что, если...» или «надо было бы...».

Явно догадавшись, что творится у нее на уме, Карвер обнял ее за плечи.

– Пошли, – мягко произнес он. – Давай-ка зайдем, пока все хорошие места не захватили.

Они вошли в тускло освещенный зрительный зал. Хотя явились они на двадцать минут раньше, три передних ряда были уже заполнены. Ради Сэм Эбби хотела сидеть в первом ряду. И вот теперь...

– Эбби!

Это был Стив, махавший ей из первого ряда. Ну конечно... Боязнь опоздать к намеченному времени граничила у Стива с манией. «Прибыть вовремя» означало для него уже быть на месте как минимум за полчаса. Частенько, еще будучи женатыми, они могли заявиться к кому-нибудь в гости, когда хозяйева все еще были в душе или лихорадочно наводили порядок перед приходом остальных гостей.

– Я приберег тебе местечко! – крикнул он через толпу.

Эбби вздохнула, направляясь к нему. Ее бывший муж сидел рядом с миссис Прэтчетт, заместительницей директора школы, и место слева от него оставалось свободным.

– Привет, Стив, – сказала она.

– Хорошо, что я пришел пораньше, – сказал он, улыбаясь ей. – В конце концов, это очень важный вечер для Сэм.

– Я тоже пришла пораньше, – сказала Эбби. Вообще-то она вовсе не то собиралась сказать. Хотела поблагодарить его за то, что не забыл про нее. Хотя, с другой стороны, дорога к ссоре со Стивом всегда была вымощена благими намерениями.

– Садись. – Он похлопал по сиденью рядом с собой.

– Спасибо, что подумал обо мне, но...

– Эй! – Взгляд Стива остановился на ее спутнике. – Да это же Джонатан Карвер! Герой дня!

– Ну, я сказал бы, что тут и без меня героев хватало, – отозвался Карвер, неловко улыбаясь. – Если кто-то и был настоящим героем того дня, так это Саманта...

– О, не стоит так скромничать! – рассмеялся Стив, вставая, чтобы пожать Карверу руку. – Сэм сказала мне, что вы бросились прямо в огонь, чтобы спасти ее. Тут не у каждого пороха хватит... Так вы здесь вроде почетного гостя или чего-то в этом роде?

– Нет, вообще-то я с Эбби.

– О? – Стив нахмурился, явно сбитый с толку. Затем его глаза широко распахнулись. – О!

Где-то с год назад Стив, в очередной раз забирая детей, случайно познакомился с парнем, с которым Эбби тогда недолго встречалась. И Эбби мгновенно заметила его оценивающий взгляд – в голове у него словно зажужжал компьютер, проводя автоматическое сравнение. Покровительственная улыбка Стива тогда указывала на то, что замена до его собственных представлений о себе явно не дотягивает.

Теперь лицо у него тоже претерпело заметную метаморфозу, поскольку, поняв, что Карвер встречается с его бывшей женой, он наверняка провел такое же математическое сравнение. Интересно, какой же балл заработал Карвер согласно этому «стивометру»?

Ну, он был тем парнем, который, как выразился Стив, бросился прямо в огонь, чтобы спасти его дочь. В то время как от самого Стива толку было в основном как от козла молока. Так что вот так.

Выражение лица у ее бывшего мужа было в эту секунду настолько придурковатое, что Эбби пожалела, что у нее нет телефона в руке, чтобы сразу его зафотать. Можно было бы потом распечатать эту фотку и, пожалуй, даже вставить в рамку. Но, к сожалению, теперь приходилось довольствоваться лишь простым воспоминанием об этом прекрасном моменте.

– Гм... классно! Просто классно... – Стив все продолжал кивать с застывшей на лице улыбкой.

– Нам нужно два места, – сказала Эбби, – так что, пожалуй, мы сядем сзади.

– О, это совсем ни к чему! – Заместительница директора быстро поднялась. – Можете занять мое место.

– Да нет, ничего страшного, – поспешила успокоить ее Эбби.

– Не о чем говорить. – Улыбнувшись ей, миссис Прэтчетт ушла.

– Ладно, это очень любезно с ее стороны. – Ухмылка Стива потеряла свой отчетливый блеск. – Я, гм, подвинусь влево, чтобы вы оба могли сесть вместе.

Эти слова словно доставляли ему физическую боль.

Чуть ли не впервые за последнее время Эбби ощутила укол жалости к нему. Он приберег для нее место, а теперь вот застрял здесь, чувствуя себя третьим лишним рядом с Эбби и ее великим героическим кавалером... Присев рядом с ним, она положила руку ему на плечо.

– Спасибо, что занял для меня место, Стив, – произнесла Эбби, улыбнувшись ему. – Это и вправду было очень заботливо с твоей стороны.

Он улыбнулся в ответ.

– Да о чем речь!

Тут у нее зазвонил телефон.

– Ой, надо же было отключить звук! – всполошилась Эбби, доставая его из своей сумки. Судя по высветившемуся на экране номеру, звонили из Вайоминга.

– Мне надо ответить, – сказала она Карверу. – Через минутку вернусь.

Тот в ужасе уставился на нее, поняв, что Эбби оставляет его наедине со Стивом. Что ж, придется обоим как-то найти общий язык...

Она вышла из зала.

– Аллю?

– Лейтенант Маллен? Это шеф Пауэлл.

Начальник полиции Дугласа...

– О, здравствуйте! Спасибо, что перезвонили.

Эбби оставила для него сообщение с подробным описанием того, что узнала от сестры Гретхен Вуд.

– Послушайте, лейтенант, я получил ваше сообщение, и, как уже сказал Бентли, мы дадим вам знать, если будут какие-то подвижки.

– Это я уже поняла, – ответила Эбби, поглядывая на часы. У нее уже не было времени, чтобы гладить этого мужлана по шерстке. – Я просто хотела убедиться, что вы в курсе этой зацепки, поскольку Мейген сказала...

– Нету тут никакой зацепки, – перебил ее Пауэлл. – Просто Гретхен Вуд пару раз посещала эту церковь, прежде чем поджечь дом Йейтса. Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Ну, как я упомянула в своем сообщении, Мейген опознала Моисея Уилкокса как того, кто читал проповедь в той религиозной группе...

– Наши детективы еще раз побеседовали с Мейген, и теперь она уже не совсем уверена, что правильно опознала его. А еще они пообщались с местным проповедником церкви Братства Лилии, и он совершенно четко заявил, что никогда не видел человека, подходящего под описание Моисея Уилкокса.

– Церкви Братства Лилии? – недоуменно переспросила Эбби.

– Это та церковь, о которой говорила Мейген. В которую ходила Гретхен Вуд.

– Это не церковь, это небольшая религиозная группа, скорее, даже секта...

– Церковь Братства Лилии – это определенно не секта, лейтенант. Она действует здесь уже много лет. А еще они управляют молодежным лагерем для трудных подростков неподалеку от города. Они успели проделать просто потрясающую работу с некоторыми детьми, которых принимали в этом лагере.

Эбби недоуменно нахмурилась. Должно быть, это какая-то ошибка... Может, детективы неправильно поняли Мейген? Или Моисей просто использовал помещение этой церкви как место для своих проповедей, или же...

– Мои детективы убили целый день, ища ветра в поле, – недовольно буркнул Пауэлл. – В то время как нам еще нужно опросить знакомых Гретхен Вуд, просмотреть записи с дорожных камер, изучить ее излюбленные места тусовок... Наверняка в Нью-Йорке всё по-другому, но здесь у меня только два человека, которые занимаются практически всем. В последний раз прошу – перестаньте вмешиваться в наше расследование.

В трубке слышались короткие гудки.

Несколько секунд Эбби просто стояла у двери, глядя на столик с портретом Карлоса Рамиреса. Кто-то поставил в самом его центре зажженную свечу. Эбби уставилась на крошечное пламя и представила, как эта свеча вдруг опрокидывается, поджигая многочисленные фотографии и письма, разбросанные вокруг нее. Сжигая все дотла.

Сглотнув, она подошла к столику и, воровато оглядевшись по сторонам, задула свечу. А потом вернулась на свое место.

Карвер со Стивом отчаянно пытались поддерживать хоть какой-то разговор. Как поняла Эбби, речь шла об обивке стульев в зале, которую, по мнению Стива, недавно заменили.

– Извините, – тихонько произнесла она, усаживаясь между ними. – Работа.

Переведя телефон в беззвучный режим, быстро открыла на нем интернет-браузер и забила в поисковую строку «Церковь Братства Лилии».

Первая же ссылка в результатах поиска привела ее на веб-сайт церкви. Согласно его разделу «О нас», церковь Братства Лилии представляла собой религиозную христианскую организацию, призванную привести людей по всей стране к осознанию их роли в Царстве Божьем. Тут и вправду перечислялись различные программы, ориентированные на проблемную молодежь, приюты для бездомных и развитие лидерских качеств. Эбби быстро просмотрела десятки восторженных отзывов и фотографий подростков, ремонтирующих дома, раздающих еду и одежду и играющих с маленькими детьми на улице.

Принадлежала ли церковь в Дугласе к этой организации? Мог ли Моисей прятаться за фасадом этого христианского учреждения?

Огни вокруг нее потускнели, и ропот толпы постепенно стих. Эбби убрала телефон обратно в сумку. Позже можно будет разобраться во всем этом более основательно.

На сцену вышла Саманта со своей подругой Фионой, и Эбби захлопала вместе со всеми остальными. Несколько секунд спустя к девочкам присоединился мальчишка – Эбби знала, что его зовут Питер и что он гитарист. Предыдущий гитарист, с которым играла Сэм, так и не вернулся в школу после того жуткого дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.